

КУЗНИЩА БЕЗДНЫ

Книга первая

НИКИТА УЛЬЯНОВ

Никита Ульянов

КБ. Книга первая. Кузница Бездны

«Автор»

2026

Ульянов Н. Д.

КБ. Книга первая. Кузница Бездны / Н. Д. Ульянов — «Автор», 2026

Ах вот, как оно было на самом деле! 1916 год, Закат Российской Империи. Разлученные братья становятся проводниками враждующих сил. Егор принимает Высшую Сферу — ослепительный Свет абсолютного Порядка, выжигающий душу добела. Константин познает изнанку смерти на передовой, подчиняя могильный тлен Низшей Сферы. Между ними — Оксана, спасенная выдающимся хирургом и закованная в титановый экзоскелет, живое воплощение нестигаемой материи. Когда в заснеженном Петрограде Кукловод готовит сокрушительный прорыв защитного купола Империи, троице предстоит сойтись над Бездной. «Кузница Бездны» — историческое техно-фэнтези о стали, боли и человеческой воле на великом изломе эпох.* в книге фигурируют реальные исторические личности. Их действия, речи и особенности поведения выдуманы автором, совпадения с реальными событиями случайны и не несут политической и иной подоплеки.

© Ульянов Н. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Глава 2.	16
Глава 3.	23
Глава 4	28
Глава 5.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

КБ. Книга первая. Кузница Бездны

Пролог

1914

Колеса старой телеги скрипели так, что неслышно было ни всполохов огня, пожирающих остатки деревянных хат и конюшен, ни криков детей, ни громогласных возгласов черных ворон, клевавших обгорелые трупы мужиков и лошадей. Мерное качание, запряженной в окровавленного белого жеребца повозки, не замечали солдафоны в разномастных кителях.

Седовласый кучер с белым бельмом на правом глазу лишь причитал, то про себя, то вслух: «Сейчас, Егорка, сейчас, выйдем, Боги помогут. Они всегда помогали, и сейчас помогут. Как такое допустили... Это за грехи наши наказание нам такое... Ты главное не смотри, не слушай, и не запоминай. Хотя как такое забыть...»

Егорка лежал лицом к небу, и видел, как снег, хлопья которого падали на края старой отцовской телеги, не таял, а окрашивал края телеги в серое. В замутненном лихорадочной разуме пронеслась мысль «откуда снег, еще на покос не ходили даже?». Некоторые крупные хлопья, будто горели, светились в воздухе, но при приближении к телеге, гасли и падали на края и подгнивший дощатый пол. От скрипа колеса, которое отец неделю как просил промазать маслом, в ушах стоял писк. Запах был странный, Егор никогда такого не чувствовал. Пахло ржавым железом, горелой шерстью, навозом и горелым хлебом. От этого запаха к горлу подступала тошнота, но пустой желудок томно тянуло, а рана на плече, которую наспех перевязал кумачовой тряпкой отец, саднила и пульсировала. Странный снег кончился, и скорость телеги заметно увеличилась, скрип стал невыносимым, он врезался в уши, словно каленая сталь в воду. Рана стала пульсировать еще сильнее. Стоны Егора отец не слышал, но Богам была безразлична его судьба.

Отъехав от родного, разоренного неизвестными солдатами села, кузнец Алексей, от роду не водивший телег, свернул по полевой дороге в сторону Отшиба и остановился. Убедившись, что никто его не преследует, снял выструганный деревянный крест с грязной, скомканной с волосами и остатками окровавленной Егоркиной раной рубахи, и положил его на грудь сына.

- Ничего, Егорка. Сколько раз тебе говорить, затвор держать крепче надо, а в кузне, там же куда не глянь, везде либо остро, либо ошпарит... За это меня Боги и наказывают, и мать не уберег... И Котька... Жив не жив... Не злись хоть ты на меня, а рану сейчас... Терпи... Потерпи Егорушка... - отец, не отрываясь от вожжей и сосредоточившись на дороге, побаиваясь, неловко и неуверенно отпустил одну руку от вожжей, и небрежно затянул повязку на плече сына, на лбу у него уже шла холодная испарина, бледное лицо наследника безмятежно смотрело сквозь лихорадочную пелену.

- Ты кто такой? – громко, будто прямо в голову, спросила неизвестно откуда появившаяся женщина, от чего поднялся легкий ветер, лошадь встала на дыбы, и телега резко остановилась. Старый кузнец, перебирая мысли в голове, слез с телеги и побежал навстречу темному силуэту возле одинокого дома.

- Аксиныя, травница! Кузнец я, Алешкой звать! Жена моя, Любава, как нечисть мышинная пришла, гнать их хотела, да не уберег, не уберег, ни её, ни Котьку младшего... Вот сын старшой, ему пулей плечо прошило, да огнем обожгло... - Алексей запинаясь, пытался рассказать всё случившееся быстро и подробно, но получался сумбурный набор бессвязных слов. – Помоги! Кроме тебя не к кому!

Высокая темноволосая женщина с зелеными как орех глазами, будто глядя сквозь кузнеца, укоризненно-недоверчиво повернула голову на бок и прищурилась.

- Ты из Мирного что-ли?

- Да какое оно теперь мирное... Мертвое оно теперь... Для меня так точно... Ты ребенку моему помоги, правда дать мне тебе нечего...

Из телеги раздался надсадный кашель и стон.

- Ничего себе ребенок, да это уже даже не оторок! – по высокому голосу поняла ведьма - Юноша, не иначе! – Аксинья подошла к телеге и стала осматривать Егора. Лошадь едва заметно взбрыкнула и отстранилась, - Что ж ты такого богатыря от меня прячешь, Алеша?

- Дык, я не прячу... Я за помощью... Село все выгорело, солдаты пришли. Чьи не ведаю, серые все, как мыши... А я в кузню за фузеей метнулся, и смотрю Егорку прошло... А суженая моя, уж не помочь, и Котька в огне кричал...

- Коня бери под уздцы, пошли до дома, тут не справлюсь.

- Благодарю, матушка! Что хочешь проси, только сына спаси, один он у меня остался! – Алексей плакал, бил себя в грудь прокопченным и черным от сажи рукавом, слезы от горя, счастья и благодарности смешались с засохшей кровью на лице.

- Ты с ведьмой говоришь, проси что хочешь - это очень дорогая плата. Но что сказано, то сказано. Будь, по-твоему.

- Да я хоть жизнь свою готов... Только не дай сыну умереть, молю. Я в село обратно, вдруг кого спасти успею...

Алексей более уверенно, чем управляясь телегой, оседлал коня и умчался к черному столбу дыма, поднимавшемуся от родного села.

- Жизнь так жизнь, но тут уж не мне это решать... Слово изреченное... - в пустоту молвила травница, и с нехарактерной легкостью водрузила стонущего Егора на свое плечо, отводя к знахарскому дому.

- Мамка! Батя! Егор! Вы где! – Котька, мечась по горящему амбару испытывал ужас. Огонь пожирал стога сена, дым застилал обзор и разъедал глаза и легкие.

Кто знал, что отдых на вышке амбара после сбора урожая закончится столь трагично и внезапно. Костя, сквозь сон, слышал выстрелы, крики людей и рёв скотины, различал лишь лающую отрывистую незнакомую речь, и только потом почувствовал запах дыма, и уже открыв глаза обнаружил себя в горящем здании. Пламя быстро пожирало еще прошлогоднее сено, из лопнувшей керосиновой лампы брызгами выплеснулось горячее, от чего красный с желтыми искрами огонь расходился еще быстрее, сквозь крышу амбара уже было видно вечернее небо, и столбы пепла вздымались над Мирным. Костя, откашливаясь, дыша сквозь ситцевую полу не по размеру выкроенного рукава, и им же вытирая дымные слезы, согнувшись в три погибели, сквозь гарь, пекло и жар, пролез к краю еще незанявшегося угла сеней. Сквозь щель, через которую еще вчера подглядывал за моющимися после бани в больших кадках девочками, особенно за дочерью старосты Оксаной, младший сын кузнеца увидел, что его мать лежит окровавленной и бездыханной, а поодаль бегают серые мундиры со штыками и винтовками, хватая женщин, убивая мужиков и детей. К горлу подступил огромный ком, но, пересилив себя, Костя едва слышно от обожженного дымом горла всхлипнул:

- Матушка... - звук застрял в разодранной гортани, обратившись в сиплый хрип.

Сверху с гулким треском рухнула поперечная стропила. Сноп искр окатил спину, рубаха на плече мгновенно затлела, впиваясь в кожу едкой гарью. Терять секунды было нельзя. Зажмурившись от нестерпимого жара, семнадцатилетний парень всем весом навалился плечом на подгнившую нижнюю доску закрома, выломал её с мясом и плашмя вывалился наружу - прямо в жидкую, смешанную с пеплом и навозом жижу заднего двора.

Земля вокруг дрожала. Воздух гудел от выстрелов и чужих, лающих гортанных команд.

Вдруг сквозь треск горящих плетней и вой пожарища со стороны околицы донесся истошный, сорванный крик. Знакомый до боли, родной голос рвал на части ночной воздух:

- Костя! Костенька-а-а!

Это был отец. Алексей, оставив старшего у знахарки, примчался обратно в горящее село, не жалея скакуна. Без шапки, в распахнутом овчинном тулупе, задыхаясь от дыма, кузнец перемахнул через горящие жерди забора, сжимая в закопченном кулаке кованый гвоздь - единственное оружие, которое успел выхватить из телеги.

- Батя!.. - попытался крикнуть парень, но из обожженной гортани вырвался лишь глухой сип.

Из клубов жирного черного дыма навстречу кузнецу вынырнула цепь австрийских пехотинцев в серо-голубых мундирах. Блеснули граненые штыки, офицер в фуражке с кокардой вскинул вороненый карабин и резко, по-собачьи рявкнул:

- Halt! Wer da?! Ein Rebell? Ein Spion?!

Алексей даже не замедлил шаг. Он видел проломленный амбар, видел распластанное тело жены и рвался вперед, заслоняя собой двор:

- Keine Bewegung! - взвизгнул офицер, взводя курок.

- Уйди с дороги, сволочь! - крикнул Алексей, угрожая длинным гвоздем.

- Schießt ihn nieder! Feuer!

Грохнул сухой, безжалостный залп.

Свинцовые пули с глухим чавканьем ударили кузнецу в грудь и плечо. Алексей споткнулся, на миг замер, словно наткнулся на невидимую стену, и тяжело, всем своим могучим телом рухнул ничком в развороченную копытами грязь. Его пальцы разжались, выпустив кованый гвоздь в дорожную колею, и судорожно загребли сырую, пропитанную гарью землю - принимая смерть и отдавая последний вздох родной тверди.

Костя дернулся было к отцу, готовый закричать и броситься под штыки, но тяжелая жилистая рука вцепилась ему в плечо железным капканом, намертво прижав семнадцатилетнего юношу к земле в тени покосившегося овина.

- Тихо, волчонок. Лежи, - прозвучал над самым ухом низкий, прокуренный голос.

За развороченным забором, укрытый густой тенью и пеплом, за этой страшной расправой безмолвно наблюдал коренастый человек в расстегнутой длиннополой шинели без знаков различия. Лицо незнакомца пересекала свежая копоть, на груди, приколотый к сукну ржавой булавкой, тускло тлел обрывок кумачовой ленты, а в тяжелом, нечеловеческом взгляде стоял холод вековой могильной бездны.

Архип видел, как отец отдал душу за сына. Видел, как земля приняла жертву мужика. В его огрубевшем, выжженном нутре что-то глухо дрогнуло - древний, неписанный закон кровного долга перед тем, кто пал на его глазах.

Австрийцы пробежали мимо, гогоча и стреляя по горящим избам.

Костя судорожно всхлипнул, его рука оперлась о землю и погрузилась во что-то густое, липкое и неестественно горячее. Кровь отца и матери. Она заливала колеи от телег, пузырилась от жара пожарищ, и в ее отражении парень на миг увидел не дымное ночное небо, а бездонную, зовущую бездну с пляшущими языками багрового пламени.

- Эй, волчонок... Куда ползешь? - повторил человек в шинели, разжимая хватку, но не давая парню подняться. Костя вскинул голову. В руке незнакомца сжимал тяжелый маузер с исцарапанным деревянным прикладом, от которого еще струился сизый дымок - серый мундир с чужим штыком уже замертво валялся в метре от них. Костя вскинул мокрое от слез и сажи лицо. В желтых зубах незнакомца дымилась кривая, самокрутная сигарка, а в глубине его выцветших глаз медленно закипала та самая смоляная тьма, которой суждено было стать для осиротевшего мальчишки новой плотью и кровью.

- Отца твоего не вернуть, парень, - глухо, сквозь зубы уронил Архип, сплевывая табачную крошку прямо в пепел. - Земля его приняла. А вот тебе пожить придется. Вставай.

Мужчина опустил взгляд на мальчишку. Его глаза, цепкие и жуткие, на миг блеснули в багровом свете так, будто в них не было зрачков - лишь тлеющие, красные от ненависти угли.

- Не скули. Мертвым твои слезы без надобности, - жестко, но без злобы бросил чужак, рывком поднимая Котьку за шкурку на ноги. - Село твое кончилось. Старый мир сдох. Хочешь с ним остаться или пойдешь со мной - учиться судить тех, кто этот огонь запалил, и строить новый?

Костя вцепился испачканными в крови пальцами в сукно шинели незнакомца, оглянулся на догорающий амбар и, сглотив ком застрявшей в горле сажу, не по-детски глухо кивнул.

* * *

В паре сотен сажень от кузни, в проулке у дома старосты, мир сузился до размеров маленькой, отчаянно сжавшейся грудной клетки. Оксана бежала, пока ноги не подкосились. В ушах стоял не крик сельчан и не сухой треск горящих изб - в ушах колотился ее собственный пульс. Глухой, неровный, сбивающийся на жуткие, затяжные паузы.

Тук... тук-тук..... тук.

Врожденная хворь, о которой отец-староста запрещал говорить вслух, отмеряя дочери травяные отвары с наперстянкой, настигла ее посреди бегства. Стоило пробежать мимо пылающего сарая, как в грудь будто вогнали раскаленный кузнечный гвоздь. Воздуха стало катастрофически мало. Губы мгновенно похолодели и налились синевой, а перед глазами поплыли темные маслянистые круги. Оксана рухнула на колени возле опрокинутой молотилки - сложного, громоздкого механизма из чугуна и шестеренок, который отец привез в Мирное прошлой весной.

Шелест шагов. Кто-то из чужаков шел по переулку, методично добывая штыком раненых и перекликаясь с однополчанами на своем отрывистом лающем наречии. Среди погибших, кроме родителей, так же отчетливо было видно лицо дяди Лёши, маминого брата, кузнеца.

Сжавшись в комок, тринадцатилетняя девчонка втиснулась под тяжелый железный кожух молотилки, прижавшись щекой к холодному маслянистому металлу. Сердце под ребрами трепыхалось, как пойманный в силки дрозд - неритмично, слабо, грозя вот-вот остановиться навсегда. Она впиалась пальцами в неподвижную чугунную шестерню передачи, сжимая ее изо всех оставшихся сил.

«Только не стучи... Пожалуйста, железная, держи...» - билась в затухающем сознании беззвучная мысль.

Она видела сквозь щели в кожухе, как сапоги чужого солдата прошли в полувершке от ее укрытия. Но странное дело: чем сильнее замирало ее собственное, живое и больное сердце, тем отчетливее ей казалось, что спасение - не в молитве, а в этом мертвом, нестигаемом железе, которое укрыло ее от огня и чужих пуль. Оно не знало боли. Оно не боялось.

Глава 1.

В которой куется Свет.

Киев. Сентябрь 1916 г.

- ... и вот, Кузнецов Егор Алексеевич, окончил Минские экстерн-курсы, возраст неизвестен, на вид 20-25 лет. Способности есть, но не ярко проявлены, в анамнезе магическое вмешательство второго уровня в подростковом возрасте. Или воздействие действительно слабое, или хорошо скрыт след, ваше превосходительство, – доложил адъютант.

Казимир Леонтьевич Кашеинский, пожилой, но по обыкновению подтянутый, в отглаженном темно-бардовом мундире *Суеверных Императорских войск*, деловито сидел за резным министерским столом зеленого сукна, и в свете помигивающей электрической лампы, изучал через мутное пенсне картотеку новобранцев.

- Скажите, поручик Еремеев, – поглядывая поверх очков на адъютанта спросил полковник, – из всего этого колдовского, не побоюсь этого слова, сброда, что вы набрали с окрестных деревень, есть кто-то достойный? Вот морока с вами...

- Да, ваше превосходительство. Я как раз самого способного напоследок и оставил! – радостно отрапортовал Еремеев.

- Ну так показывайте, что тянете! – полковник уже выходил из себя, так как путь из Петербурга до Киева был хоть и быстрым, но как всегда утомительным. Однако все подчиненные знали, что хоть полковник и выглядит раздраженным и вспыльчивым, до карательных мер и рукоприкладства не доходил никогда.

- Вот, ваше превосходительство. Аникей Небоход, отец неизвестен, 1892 года рождения, магическое вмешательство первого уровня, внутриутробное! Воздействие крайне сильное, вероятно высшее. – Еремеев, читая учетную карточку, многозначительно посмотрел наверх, затем вопросительно уставился на полковника. Полковник задумчиво насупился.

- Так, Еремеев, ты мне голову не *морочь*! – стукнув кулаком по столу ответил офицер, - Зачем ты мне папку со всякими недокудесниками принес, ежели у тебя высшее воздействие есть, чтоб тебя выверна вывернула! Зови этого небесного гуляку!

Адъютант спешно покинул кабинет, и через пару минут в кабинет вошел светловолосый, плечистый мужчина, со строгим угловатым лицом. На нем был штатный юнкерский китель курсанта суеверных войск, немного небрежно расстегнутый на груди.

- Добрый день, мейстер, – сухо поздоровался вошедший.

- Добрый день, кандидат, – не вставая из-за стола, приветственно заинтересованно воскликнул полковник, – только не мейстер, а обер-церемониймейстер, но ничего, юнкер, вы еще тонкостям полевой работы не обучены. Представьтесь, пожалуйста.

- Егор Алексеевич, Кузнецов... сын, подмастерье. Даты рождения не знаю, в записи родовой книги не имею... Сгорел Храм. Но батенька говорит зимородок я, в конце прошлого века, на вторую седмицу апосля крещения рожден...

Казимир Леонтьевич, сверля взглядом непутевого поручика, вопросительно-унизи-тельно, но в тоже время снисходительно-разочаровано кивнул. Говорить про привод не того кандидата Кашеинский не стал, Еремеев всё понял без слов.

- Ну что-ж, Егор, – по-отечески поинтересовался полковник, почему *нас* выбрали?

- Так а как же не *нас* то выбрать, обер-церемон... Обер-церемониймейстер! – сбивчиво, но рьяно, стараясь выговорить сразу верно ответил Егор, – Вы за Царя, за Веру, за Отечество, за *Порядок*. Дед мой, царствие небесное, в полку, Севастополь от англичан защищал, кузнецом прифортным служил. Отец... царствие небесное, хоть и в Манчжурии воевал, полуслеп стал, да меня всё равно обучил, стало быть, и мне за Батюшку Царя пора долг отдать!

- Полно, полно... - прохаживаясь и поднимая усы, слегка прихрамывая, кивая рукой успокоил пыл молодого кандидата полковник, - вы хоть представляете, чем вам предстоит заниматься?

- Так кузнеца вам не хватает, я ж этому с детства обучен, ваше превосходительство! – уверенно ответил сын кузнеца.

- Кузнеца? – удивленно ухмыляясь, вполоборота глядя на адъютанта произнес Кашеинский. - Ну можно и так сказать... Кузнеца победы, кузнеца будущего Императорского Дома! Кто-то развел костер войны, а вы, Кузнецов, будете молотом, который будет бить по наковальне, и раздавит кайзеровские войска, а также поднимающих голову мерзких богохульников! Что вы знаете о Силе, Егор?

- Сила – это векторная физическая величина...

- Стоп, стоп! Это вы про Силу, а я говорю про *Силу*. – Кашеинский стал загадочным и возбужденно отрешенным, - Изначальную магию, которая есть в каждом, но лишь единицы способны пробудить и использовать её!

Благородие благоговейно задумчиво замолчал, оперся кулаками о сукно стола и в упор уставился на Егора. В тишине кабинета было слышно лишь, как монотонно, с сухим стеклянным зудом гудит вольфрамовая нить в лампе под жестяным абажуром. За спиной парня мелко переступал с ноги на ногу адъютант Еремеев, тщетно пытаясь слиться со штукатуркой и косясь на оставленную на этажерке папку с настоящим «первым уровнем».

- Векторная величина, говорите? - полковник, приподнимая верхнюю губу и щекоча собственными усами кончик своего же носа, медленно обошел стол. Он ступал тяжело, заметно припадая на правую ногу, обутую в начищенный яловый сапог с серебряным рантом, но в этой хромоте не было немощи - скорее размеренная, хищная поступь. - И откуда же у деревенского подмастерья такие городские премудрости? В кузнях нынче механику по учебникам преподают?

- Батюшка к грамоте, цифири и чертежам приучал, - с достоинством, хотя и чуть помедлив, отозвался Егор. - В Минском училище *особому* кузнечному делу два года обучался. А как до Киева добрался, на Арсенале три месяца у станков стоял. Там мастер немецкий книжку по баллистике, механике и сопротивлению металлов оставил, фамилия еще интересная, Фрезе что-ли... Занимательная наука, ваше превосходительство. Все на рычагах, все на упоре. Ежели знаешь, куда направить и сколько весу приложить - любая махина с места тронется.

- Вот как, - Казимир остановился напротив парня и, прищурившись сквозь мутные стекла пенсне, протянул руку: - Руки покажи. Ладони.

Егор без колебаний вытянул вперед широкие, тяжелые кисти. Кожа на них была задушевной, въевшаяся окалина оставила под ногтями несмываемую чернь, а на сгибах пальцев белели старые следы от летевших из горна искр. Но пальцы были ровными, цепкими - руки человека, который привык подчинять форму раскаленного железа точному удару молота.

Кашеинский коснулся пальцами правого плеча Егора - прямо сквозь сукно темного плаща, безошибочно нащупав место, где под тканью прятался старый неровный рубец от пули и ведьминого заговора. Егор едва заметно повел плечом, но взгляда не отвел.

- Руки плотничьие, хватка оружейная, а след на зашивке... тонкий, - негромко, будто самому себе, пробормотал полковник. Он повернул голову к застывшему у двери поручику: - Еремеев.

- Я, ваше превосходительство! - адъютант вытянулся во фронт так, что зазвенели шпоры.

- Небохода твоего... гуляку этого... отправь пока в казарму. Пусть чаю с сухарями попьет. Не люблю я внутриутробных. Слишком много гонора, слишком мало мозолей. От них на передовой больше сияния, чем толку. А вот с кузнецом мы, пожалуй, побеседуем отдельно.

Поручик с облегчением козырнул и пулей выскочил в коридор, аккуратно притворив за собой тяжелую дубовую дверь.

В кабинете воцарилась плотная, густая тишина. Кашеинский подошел к резному комоду в углу, на котором покоился полированный деревянный футляр с латунным гербом Империи. Щелкнули замочки. Полковник извлек из бархатного нутра перчатку - странную, сшитую из тончайшей алой кожи, по которой мелкими золотыми нитями были вышиты незнакомые Егору угловатые знаки, напоминающие застывшие молнии.

Натягивая перчатку на правую руку, разминая пальцы со скрипом свежей кожи, Кашеинский снова повернулся к Егору. Лицо его потеряло чиновничью усталость. В глазах, обрамленных сетью глубоких морщин, блеснул холодный, почти юношеский азарт.

- Ты прав в одном, Егор. Сила - это тоже механика. Только наковальня здесь - твоя собственная душа, а молот бьет не по железу, а по ткани пространства. Но чтобы держать этот удар, одного железа мало. Нужен стержень.

- Поглядим, сынок, из какой руды ты выкован. – сказал Казимир Леонтьевич, добро улыбаясь уголками подкрученных усов, - Держись за землю крепче. И сразу говорю, учить тебя никто не будет, ты уже всё умеешь. Просто чувствуй. И если *сила* решит, что ты ей нравишься – сам не поймешь, как все получилось. Но вот понравится силе – этому я тебя, так и быть, научу.

Полковник поднял руку в алой перчатке на уровень глаз. Пальцы его сложились в замысловатую щепоть, мышцы предплечья натянулись, как стальные тросы.

Губы офицера шепнули сухое, отрывистое: - *Aperi Comissura...*

В полумраке кабинета воздух вокруг алой перчатки на миг сгустился, зарябил горячим маревом, пахло электричеством и жженой пылью. Кашеинский картинно, с сухим треском щелкнул пальцами.

Звук от щелчка не было. Вместо хлопка воздух в кабинете с глухим, всасывающим вздохом втянул в себя вообще все звуки Киева: замолк гул лампы, оборвался цокот копыт за окном, даже биение крови в висках Егора внезапно отключилось, будто кто-то перерезал невидимый провод. Пространство не треснуло и не разорвалось воронкой. Реальность повела себя иначе - она начала *расслаиваться*. Стены штаба, резной шкаф, зеленый министерский стол и даже пылинки в воздухе вдруг потеряли плотность, превратившись в бесчисленные полупрозрачные мреющие пласты, словно тысячи тончайших стекол или листов папиросной бумаги, на каждом из которых был нарисован один и тот же кабинет, но с миллисекундным сдвигом. Эти пласты с легким сухим шелестом слюды начали медленно сдвигаться относительно друг друга, преломляя свет лампы в сложную граненую призму. Кабинет не рушился - он выцветал, распадаясь на чистую геометрию. Пол под ногами превратился в толщу застывшего кварца, сквозь который на сотни саженей вниз просматривались холодные, неподвижные пласты спящей земли.

- Шагай, Кузнецов, - голос Кашеинского прозвучал не в ушах, а прямо в темени, сухо и без вибрации. - Не в пустоту ступаешь - в Шов.

Полковник сделал шаг вперед и буквально вошел внутрь оптической трещины между двумя пластами реальности. Егор, подавив животный позыв отшатнуться, шагнул следом. Ощущение было чудовищным. Это не было полетом или падением. Тело словно погрузилось в ледяное, сверхплотное растительное масло, которое не давало дышать, но и не убивало. Вокруг не было ни тьмы, ни света - только бесконечные, натянутые струны белесого марева, уходящие во все стороны, по которым они с Казимиром Леонтьевичем скользили, словно две бусины по нитке. И тут в затылок Егора впился невидимый, обжигающий ледяной крюк. Внутри черепа что-то мягко и безжалостно натянулось, будто из клубка его мыслей зацепили кончик теплой шерстяной нити и резко дернули на себя. Боль была не телесной - она была тоскливой, щемящей до тошноты.

- Что это?.. - попытался выкрикнуть Егор, но вместо звука из горла выплеснулся лишь серебристый пар. Кашеинский, скользивший впереди - его темный мундир в этом безвременье казался абсолютно плоским черным силуэтом, - даже не повернул головы. - Забыл предупредить, юнкер, - равнодушно отозвался полковник прямо в сознании Егора. - Дорога не бывает

дармовой. Пробить ткань *сфер* на сотню верст - это тебе не билет на паравоз купить. Пространство требует пошрины!

- Какой... пошрины? - мысль Егора металась, пока ледяной крюк вытягивал из его головы что-то живое, сокровенное.

- Собой платишь, Егорка. Памятью. Или куском несбывшегося, - спокойно пояснил Казимир Леонтьевич. - Золото здесь - что кизяк. Световой сдвиг берет только то, что имеет вес в духе. Одну крупичу за версту, мы их зовем *геодами*. Не дергайся, хуже сделаешь - с корнем вырвет. Отпусти.

Егор зажмурился, пытаясь удержать то, за что уцепился этот невидимый таможенник перехода. В памяти вспыхнуло лицо - теплое, с веснушками на переносице, девичий звонкий смех у околицы, запах речной мяты... Он отчаянно попытался вспомнить: «Кто это? Как ее звали? Где это было?» Но нить натянулась сильнее - и воспоминание лопнуло, как болотный пузырь. Черты лица стерлись, превратившись в серую золу. Осталось лишь пустое, ноющее знание, что секунду назад там было что-то безумно дорогое, а теперь на этом месте - глухая, выжженная яма. У него отобрали кусочек детства, даже не дав попрощаться. В тот же миг струны пространства вокруг натянулись со стеклянным звоном, граненые пласты реальности с оглушительным, похожим на пушечный залп грохотом схлопнулись воедино.

Воздух с силой ударил в легкие - сырой, холодный, пахнувший прелыми дубовыми листьями, известковой пылью и птичьим пометом. Егор рухнул на четвереньки, судорожно кашляя и упираясь ладонями в битый красный кирпич.

Над головой не было потолка. Вместо него высился проломленный купол огромного старинного собора. Сквозь зияющие дыры в сводах, где обнажилась ржавая железная арматура, на них сыпался мелкий, липкий осенний дождь вперемешку с колючей крупой. Вокруг, в полумраке нефа, возвышались массивные каменные колонны с осыпавшимися фресками, на которых строгие лики святых были иссечены осколками и следами старых пуль. А впереди, там, где когда-то стоял алтарь, зияла огромная панорамная брешь в стене, открывающая вид на свинцовые, ленивые воды Днепра и бесконечные, подернутые туманом киевские кручи. Кащеинский стоял рядом, даже не сбив дыхания. Он стянул с руки алую перчатку, аккуратно спрятал ее в карман шинели и, слегка прихрамывая, подошел к обрыву алтарной стены.

- Выдубицкий монастырь, - не оборачиваясь, бросил полковник, подставляя лицо сырому ветру. - Вернее, то, что от него осталось, марксистские бомбисты подорвали... Здесь тихо. И здесь на версту вокруг земля пропитана молитвой шестнадцати поколений. Полковник повернулся к Егору, который все еще тяжело дышал на полу, пытаясь нащупать в опустевшей голове потерянное воспоминание. - Вставай, Кузнецов. Скорбеть о пошрине некогда. Теперь ты пустой - а значит, в тебя наконец-то можно что-то залить.

Егор поднялся на ноги медленно, по-кузнечному упираясь ладонями в колени, словно выправлял спину после тяжелой смены у наковальни. Голова кружилась, а в затылке пульсировала холодная пустота. Он невольно потер пальцами висок - туда, где еще минуту назад жило теплое, как свежий гончарный кирпич воспоминание о девушке у околицы, теперь словно насыпали горсть мелкого речного песка. Кащеинский тем временем достал из кармана шинели серебряный портсигар с эмалевым двуглавым орлом, шелкнул крышкой и закурил короткую папиросу с длинным мундштуком, заслоняя огонек спички от сырого днепровского ветра.

- А вы, ваше высокоблагородие?... - глухо спросил Егор, глядя на ровный сизый дымок, улетающий в пролом купола. - Коли вы так запросто сквозь версты шастаете... как сами-то помните, кто вы есть и зачем на свете живете? Или у вас память железная, не берет ее эта ваша пошрина?

Кащеинский выпустил струйку дыма, прищурился сквозь мутное пенсне на туманный горизонт и усмехнулся - криво, одним уголком рта.

- Всего всё равно не упомнишь, Кузнецов, - тихо произнес полковник. Он опустил взгляд вниз. Правая нога в начищенном сапоге стояла на кирпичной крошке неестественно прямо, будто была выточена из сухого дуба. Полковник слегка пошевелил носком, но сапог отозвался лишь глухим, деревянным стуком. - Думаешь, меня австрийским фугасом приложило? Или под Мукденем коня подо мной убило? - Кащеинский покачал головой и стряхнул пепел о край разбитой алтарной плиты. - Черта с два. Десять лет назад, в Петербурге... Штабс-капитаном еще был. Отпраздновали в Офицерском собрании производство в чин, шампанского выжрали - роту напоить можно. Вышел на Мойку в три часа ночи: дождь хлещет, извозчики ломают три шкуры, а до казарм на Выборгской - верст пять по грязи. Ну и решил... с ветерком. Срезать путь, так сказать. Сила ведь распирает, море по колено. Полковник затянулся поглубже, и кончик папиросы вспыхнул ядовито-красным. - А сфера пьяных шуток не любит, Егорка. Если ты входишь в сдвиг без ясного ума и твердого расчета, сфера берет не пошлину - она берет штраф. Зазевался, шагнул криво, мысль соскочила... Реальность схлопнулась, когда я еще не весь из шва вышел. Правое колено так там и осталось. В натяжении между пластами. Мясо и кость вернулись, а вот сустав со связками... застряли где-то между Петербургом и вечностью. С тех пор этой сферой я балуюсь крайне редко и с великой оглядкой. Только по казенной надобности.

- Выходит, калекой из-за глупости стали? - прямо, по-деревенски спросил Егор.

Кащеинский хмыкнул в седые усы, ничуть не обидевшись на солдатскую бестактность:

- Калекой я стал по гордыне. А имя прижилось - подчиненные за глаза зовут, думают, старик не слышит. Пусть зовут, спесь сбивает, ловко придумали, КАзимир ЛЕонтьевич КАщеинский. Зато урок на всю жизнь: Сила - это не барская забава, а тяжелый инструмент. Оступись - пальцы оторвет. Полковник замолчал, глядя на серые волны Днепра. Его лицо вдруг осунулось, резкие морщины у рта обозначились глубже, а во взгляде сквозь стекла пенсне промелькнула незнакомая, тяжелая муть. - А насчет памяти... - КаЛеКа понизил голос, и в нем прорезались сухие, надтреснутые нотки. - Ты не кручинься по тому, что сейчас отдал. Молодой ты еще, помнить нечего. Со временем, если научишься держать волю в кулаке, поймешь: в этот шов можно скармливать не только самое дорогое. Сфера всеядна. Ей без разницы, что перемалывать - первую любовь или грязь из канавы. Можно научиться подсовывать ей дурные воспоминания. Стыд, позор, чужую кровь на руках, страх... Он затянулся в последний раз и бросил окурок под ноги, резко раздавив его каблуком здоровой ноги. - Только вот ведь какая штука, Кузнецов... - полковник посмотрел на парня в упор, и в его глазах стояла такая застывшая, невыносимая тоска, от которой у Егора мороз пробежал по коже. - Когда сотрешь из себя всю вину и всю боль, когда отдашь пошлюйной то, от чего ночами кричать хочется... вдруг понимаешь, что вместе с гнилью ты вырезал из себя что-то главное. И обратно эту мерзость уже не вернуть. А без нее - ты вроде и чистенький, а внутри пусто, как в этой битой церкви. Ни покаяния, ни слез. Одно железо осталось. Кащеинский тяжело вздохнул, расправил плечи и снова стал прежним строгим офицером - собранным, колючим, не знающим сомнений. - Ладно. Философию разводить в штабе будешь, когда генералом станешь. А пока - к делу. Вон видишь ту плиту гранитную, что от престола откололась? Весу в ней пудов двадцать. Иди сюда, юнкер. Будем смотреть, как твои векторы работают без мехов и наковальни.

Егор подошел к расколотой плите. Гранитный обломок престола лежал в грязи и битом кирпиче - тяжелый, серый, поросший по углам бурым мхом. Пудов двадцать, не меньше. В кузне такой вес ворочали только втроем, да и то с помощью добрых дубовых ваг и кованых цепей. Парень выдохнул, чувствуя, как влажный воздух холодно обжигает горло, присел и уперся ладонями в шероховатый, ледяной камень. Привычка требовала натужиться, упереться сапогами в грунт и рвануть спиной, ломая жилы. Но Егор замер. Он вспомнил, как отец учил его осаживать тяжелые крицы: *«Железо силой не берут, Егорка. Железо берут ладом. У него свой норов есть, найди, где оно мягкое, туда и бей»*. Он закрыл глаза. Пустота в затылке, оставленная переходом, вдруг перестала ныть и превратилась в странный, гулкий покой. Егор

не молился - он просто слушал. Под его мозолистыми ладонями гранит перестал быть мертвой глыбой. Он ощутил структуру камня: трещины внутри, линии внутреннего напряжения, точки опоры на сырой земле. Векторы. Сила тяжести тянула плиту вниз, но сквозь руки Егора - от самой земли, через натруженные ноги и широкий разворот плеч - потянулся ответный ток. Это не было ослепительной вспышкой. Кожа на ладонях Егора налилась глубоким, глухим багрово-золотым жаром - словно чугун, только что вынутый из горна. Тепло хлынуло в гранит. Трещины в камне на миг осветились изнутри тончайшими огненными прожилками, и неподъемная глыба вдруг потеряла свою мертвую тяжесть, подчиняясь единому направленному усилию. Егор крикнул, распрямил спину и одним плавным, выверенным движением оторвал двадцатипудовую плиту от земли, поднял до уровня груди и с глухим, монолитным стуком водрузил ее обратно на основание разбитого престола. Пыль и сухой мох взметнулись в сырой воздух. Камень встал на место как влитой. Золотистые прожилки погасли, оставив лишь легкий пар, поднимавшийся от остывающего гранита. Егор отер пот со лба рукавом плаща и тяжело, шумно выдохнул, глядя на свои руки. Они слегка подрагивали, но это была знакомая, добрая усталость кузнеца после удачнойковки. Кащеинский стоял у колонны, шурясь сквозь мутное пенсне. Офицер медленно выпустил остатки табачного дыма в серое осеннее небо, оправил борт своего бардового мундира и вдруг коротко, по-военному ослабил в прокуренные усы.

- Толк будет! - рявкнул полковник так, что эхо метнулось под купол и спугнуло ворон на карнизе. - Ох, будет толк, юнкер Кузнецов. Пошли. Еремеев там, небось, уже все казенные сухари в казарме сгрыз. Пора учить тебя ковать настоящее оружие.

- А сфера, ваше благородие? - ошарашено, перепутав чин поинтересовался Егор.

- Да тут минут двадцать пешком, Егорсеич. Да и есть что тебе рассказать... Ногами дойдем, Кузнецов. Нечего попусту Сферу тревожить да остатки ума по кустам растерять. До штаба версты три по набережной - как раз сапоги казенные обомнешь, да и мне растрясись полезно.

Шагать обратно через разрыв Калека не стал.

Спрятав серебряный портсигар в карман шинели, полковник окинул взглядом проломленные своды Выдубицкого монастыря и махнул рукой в сторону заросшей бурьяном тропы, сбегавшей по склону к самому Днепру.

Ночной Киев дышал сыростью, прелым лопухом и глухой речной тишиной. С днепровских круч тянуло холодным туманом, гасившим редкие огни далекого Подола. Они шли не торопясь: Егор широко, уверенно ступал по глинистой колее, а Кащеинский размеренно отбивал шаг своей деревянно-хромой правой ногой, изредка опираясь на тяжелую трость с граненым латунным набалдашником.

В небе над левым берегом висел бледный, вылинявший диск августовской луны. Речная гладь под обрывом казалась бескрайним зеркалом из полированного темного олова, отражавшим холодный серебристый свет.

Но стоило им спуститься к песчаной косе у самой воды, как река под ногами порывисто, неслышно вздрогнула.

Егор замер. По гладкой воде, ломая лунную дорожку, пошла мелкая, маслянистая рябь. Серебряный свет в отражении вдруг стал мутным, налился густым ржавым осадком, и прямо на глазах темные струи Днепра начали окрашиваться в тяжелый, пугающий багрянец - словно где-то выше по течению в реку опрокинули чан с запекшейся кровью. От воды повеяло не свежей речной тиной, а железистым, удушливым духом свежeverытой могилы и жженого пороха.

- Что это?.. - тихо спросил Егор, чувствуя, как мозолистые пальцы против воли сжимаются в кулаки. - Завод какой спустил дрянь?

Кащеинский не ответил. Он замер у кромки воды, вглядываясь в багровеющие струи с нарастающей тревогой, которой прежде не позволял себе выказывать. Ноздри полковника дрогнули - он явно сам не понимал первопричины этой внезапной речной скверны.

Вдруг ночной воздух над днепровской гладью резко сгустился, зазвенел высокой натянутой струной, и с поднебесья, рассекая туман над Печерскими кручами, камнем рухнула ослепительная золотистая вспышка.

С сухим треском и запахом чистого церковного ладана на гранитный валун у набережной опустилась диковинная птица. Это не была тварь из плоти и перьев - перед ними, соткавшись из плотного лунного света, мерцающих эфирных нитей и тончайшей золотой канители, сидел полупрозрачный *двуглавый орёл*, вестник экстренной связи Особого отдела Императорской Ставки. Обе его головы синхронно повели острыми клювами, из янтарных глаз-бусин брызнули тонкие лучи, а в полупрозрачной груди птицы, пульсируя тревожным малиновым жаром, тлела запечатанная имперским сургучом депеша.

Кащеинский торопливо вскинул руку в алой перчатке.

-*Принимаю волю!* - отрывисто бросил офицер.

Фантомный вестник беззвучно перепорхнул на запястье полковника, склонил обе головы и с мелодичным хрустальным звоном рассыпался снопом золотых искр, оставив на ладони Калеки лишь узкую полоску тончайшей пергаментной ленты.

Полковник поднес ленту к глазам. По мере того, как он вчитывался в проступающие на ней огненные строки полевого донесения, лицо его каменело, вытягиваясь в мертвенно-серую маску.

- Стоход... - глухо выдохнул Калека, и кулак его сжался с такой силой, что пергамент вспыхнул и осыпался в речную воду невесомым пеплом. - Волянь. Гвардия наша под Ковелем в болотах легла... Десятки тысяч душ за пару часов австрийскими пулеметами в топь втоптали. Стоход в Припять впадает, а Припять - сюда. Вот откуда эта скверна в Днепре. Земля подавилась, Кузнецов. Не держит больше Сфера такой поток крови, лопаются древние скрепы.

Полковник повернулся к парню, и в его взгляде сквозь мутное пенсне блеснула острая, не знающая пощады сталь:

- Вода - это вены империи. Вся нечисть, что веками по чащобам да скифским курганам спала, теперь эту кровь почуяла и полезла наружу. Завтра на рассвете получишь предписание в канцелярии, юнкер. Поедешь на Черниговщину. Пошли-ка, дружок, поскорее.

Глава 2.

В которой смерть становится рудой.

Конспиративная яма под Черниговым, август 1914 года.

Стены землянки осыпались сухой глиной каждый раз, когда наверху, по насыпи, с протяжным гулом проходил тяжелый воинский эшелон. В воздухе стоял удушливый чад плошки с бараньим салом, пахло заплесневелой рожью, керосином и свежим оружейным тавотом. Началась большая война: на запад непрерывным потоком шли составы с мобилизованными, полки пели «Боже, Царя храни», а империя захлебывалась в патриотическом угаре первых недель мобилизации.

Константин сидел в углу на сырой соломе, подтянув колени к подбородку. Из разоренного Мирного его увезли ночью, в крытой брезентом телеге - молча, без расспросов, как прячут казенный груз. Парень не мог согреться: после того, как в его деревне прорвало ткань между мирами, внутри у него словно поселился ледяной сквозняк. Любой металлический предмет рядом - ржавый костыль в бревне, засов на люке - отзывался в висках мелкой, ноющей чесоткой.

Напротив, на перевернутом снаряжном ящике, сидел Архип.

Он не походил на партийных ораторов с трибун. Широкий в кости, с тяжелым взглядом из-под нависших бровей и руками, покрытыми несмываемыми пятнами кислотных ожогов. Архип чистил ветошью стальной резец-штихель, не глядя на парня.

- Думаешь, тебя жандармы за крамолу забрали? - глухо, не поднимая головы, спросил Архип.

- Мне всё равно, - ответил Костя пересохшими губами. - В Мирном всё сгорело. И я с ними должен был.

- Сгорели те, кто за старый порядок цеплялся, - Архип отложил ветошь и положил на ящик между ними кусок тяжелого чугунного рельса с клеймом казенного завода. - А тебя земля обратно выплюнула. Потому что у тебя нутро треснуло в нужную сторону.

Архип подался вперед, уперев тяжелые кулаки в колени:

- Господа в Петербурге и мистики в погонах думают, что миром правит золотой закон, вечный порядок, покорность начальству. Они вон эшелоны на фронт гонят, кричат про победу за три месяца и строят свои пушки так, будто они простоят тысячу лет. А природа знает только один закон: всё, что построено на чужой крови и неправде, должно истлеть. И мы, волчонок, это тление умеем ускорить. Это чистая диалектика распада. Великая энтропия. Революция самой материи.

Архип взял со стола стальной штихель с граненым жалом из черненной инструментальной стали и протянул его парню:

- На. Возьми.

Костя неуверенно сжал рукоять. Холодный металл в ладони отзывался странным, щемящим теплом, заглушая зуд в висках.

- Прикоснись острием к рельсу, - приказал наставник. - Закрой глаза. Не пытайся давить силой - силой только инструмент сломаешь. Ищи в металле то же, что у тебя в душе: усталость, трещины, полости. Ищи то место, где кристаллы держатся из последних сил, где они хотят покоя.

Костя прижал жало чертежного штихеля к монолитному чугуну. В ушах тонко зазвенело. Он закрыл глаза и сквозь темноту увидел рельс изнутри: не сплошной брусок, а гудящую сетку колоссального внутреннего напряжения. Костя словно увидел весь цикл от рождения куска металла, от рудной шахты до этой землянки, увидел жар мартеновской печи, удары молота,

укладку на шпалы, тяжесть проехавших колес, холод осенних дождей и июльскую жару. Металл был смертельно уставшим.

Повинуясь внутреннему голосу, Константин чуть повернул резец, прочерчивая короткую ломаную линию вдоль невидимой глазу микротрещины, и мысленно отпустил удерживающую волю.

С глухим сухим хрустом - словно переломилась сухая ветка - полупудовый кусок казенного чугуна распался на две ровные половины. Срез был темным, пористым, пахнущим болотной гнилью.

Костя отдернул руку, тяжело дыша и глядя на свои побелевшие пальцы.

Архип поднял одну из половинок, осмотрел ровный излом и скупое усмехнулся:

- Рука верная. Чутье есть. Только помни, парень: голыми пальцами такого не делай - сам сгниешь за неделю. Штихель держи крепко, он твой проводник и громоотвод.

Волынь, болота реки Стоход, август 1916 года.

Вода в Стоходе не текла - она стояла, запертая плотинами из раздувшихся конских туш, разбитых понтонов и сотен тел императорских гвардейцев.

Зловонный серый туман висел над плавнями так низко, что глушил даже редкие выстрелы австрийских снайперов с противоположного берега. Болото пахло сладковатой трупной гнилью, ржавым железом колючей проволоки и серным смрадом застоявшегося шрапнельного дыма. Здесь, на узком перешейке, элитные полки гвардии волна за волной шли в лоб на пулеметные гнезда, пока топь не поглотила их целиком.

Константин сидел на корточках на полузатопленном бревенчатом настиле окопа, зябко втянув голову в плечи.

На нем была чужая, снятая с убитого ополченца серая шинель без погон, до колен вымазанная черным торфяным илом. В руках заметно повзрослевший Костя сжимал обломок грифеля и трофейный полевой блокнот, старательно чертя линии: углы, треугольники, вписанные в концентрические круги, и угловатые знаки. Пальцы от сырости онемели, а шрам на виске - память о сожженном Мирном - нестерпимо ныл от могильного холода, поднимавшегося от трясины.

- На, пожуй, волчонок, а то зубами так щелкаешь, что австрияки услышат, - раздался рядом глухой, прокуренный бас.

Широкая, загрубевшая ладонь в застарелых мозолях и въевшейся в поры машинной копоти протянула Косте кусок подсушенного ржаного сухаря.

Архип. Бывший токарь с Путиловского, грузный, широкоплечий мужик лет шестидесяти с густой проседью в бороде и тяжелым, набрякшим взглядом из-под насупленных бровей. На нем была простая засаленная безрукавка поверх суконной рубахи и брезентовые штаны, заправленные в болотные сапоги. Никаких офицерских ремней и пафосных речей - Архип походил на обычного фабричного мастера, вышедшего на смену в литейный цех.

Только вместо резца по металлу за поясом у него торчала кованая чертежная чертилка из вороненой инструментальной стали, исчерченная тонкими рунами.

- Спасибо, дядя Архип, - Костя взял сухарь, жадно откусил твердый край.

Архип тяжело опустился на колени прямо в торфяную жижу у края гати, достал кисет, свернул козью ножку из обрывка газеты и закурил, прикрывая огонек широкой ладонью. Костя на миг замер, и грифель задрожал в задеревеневших пальцах.

В сером, липком мареве над дальними воронками что-то двигалось. Это не были тени убитых и уж точно не австрийские пластуны. Сквозь ключья испарений, хлюпая по черному илу, между телами гвардейцев деловито и бесшумно шныряли омерзительные, сгорбленные твари. Бледная, словно вываренная в кипятке кожа без единого волоса, длинные жилистые

лапы с кривыми костяными когтями и узкие, приплюснутые морды без глаз, но с распахнутыми пастьями, полными мелких игловидных зубов.

Одна из тварей с влажным хрустом рвала сухожилия на ноге мертвого офицера, другая, похожая на облезлого накера, жадно лакала бурюю жижу прямо из развороченной шрапнелью груди солдата.

Костю прошиб ледяной, липкий пот. Волосы на затылке встали дыбом, а в висках заколотило забытым детским ужасом. Он инстинктивно потянулся за пазуху, нащупывая черенок ножа.

- Чего глаза таращишь, волчонок, - негромко, не вынимая изо рта сигарки, осадил его Архип. Токарь даже не повернул головы в сторону топей. - И железо зря не лапай. Не по твою душу они тут шастают.

- Дядя Архип... это кто ж такие? Упыри? Трупоеды? - силно выдавил Костя, не сводя взгляда с бледных тварей, перепрыгивающих с кочки на кочку.

- Падальщики, - сплюнул старик. - Шелуха застенная. Ты вот представь себе паровой котел на заводе: если металл старый да давление запредельное, стенка истончается, свищи идут. Так и со Сферой нашей. Вон сколько темной, предсмертной силы здесь скопилось - ткань мира в этих болотах до марли истерлась, дыры сквозные пошли. Вот эта дрянь с той стороны на запах гнили и просачивается, как клопы в щели гнилого барака.

Архип лениво крутанул в пальцах стальную чертилку.

- Бояться их - себя не уважать. Они сильны, только пока ты перед ними на карачки всташь. А так - трусливее шелудивых псов. Знаешь геометрию и понимаешь *усталость* - скинуть их обратно в щель секундное дело. Чуть натяжение Сферы восстановил, вектор оттолкнул - и захлопнулась дверка, перерубит гадину пополам.

Старик выпустил струйку сизого дыма и усмехнулся в прокуренные усы, глядя в туман с прищуром бывалого мастерового:

- Это нынче диковина, потому как люди науку забыли. А в стародавние времена, старики баяли, когда Сферы вообще вразнос пошли и миры друг о дружку со страшной силой терлись, твари эти косяками по лесам перли. Тогда для них специальную породу бойцов держали - ведьминами звали. Те мечами серебряными махали, травами ядовитыми себя травили, чтоб реакция быстрее бесовской была, да по оврагам эту нечисть за серебряный грош изводили.

Архип хмыкнул и затушил окурочок о край понтона:

- Выродились ведьмины, перевелись. Да и ни к чему они теперь - нынче век стали и пара, один пулемет доброго десятка тех мечников стоит. А с тонкой скверной мы и без зелий разберемся. Давай, Костя, не отвлекайся на падаль. Смотри в корень, черти линии. Ты, Костя, господских книжек не читай, где про демонов да чертей пишут, - негромко продолжил старик, глядя на колышущееся от мертвецов и трупоедов болото. Голос его звучал на удивление мягко, с усталой отцовской хрипотцой. - Черти - они в шелковых мундирах в Петербурге сидят. А эти - эти просто пар, который из котла выпустило. Сила, которую бездарно спустили в воздух.

- А мы?

- Таких как мы с тобой, волчонок, очень мало. И появляемся мы редко, - глухо сказал Архип, словно вспоминая что-то сокровенное, - а все Святая Инквизиция постаралась. Когда-то давно так сложилось, что нас стали бояться. А всё что страшно - нужно уничтожать. Только боялись нас не от того, что мы с Низшей Сферой, мертвяками да смертью связаны, а от того, что им так удобнее. Устранение конкурентов.

- А можно их оттуда, специально вызвать? - словно не слушая спросил Костя.

- Кого? - недоумеваая спросил Архип.

- Ну, вурдалаков, бесов, навок, накеров тех же.

- Можно, зачем? - коротко ответил Архип.

- Ну как. Натравить на кого, или напугать. - словно маленький ребенок произнес Костя.

- Эх, Костя. Много ты еще не знаешь, - Архип укроизненно покачал головой, - чтобы таких вызвать – нужен Контракт. Вот смотри...

Он нарисовал три круга на мягкой торфяной земле, и начал рассказывать.

- Вот это три сферы. Вообще сфер гораздо больше, счёту нет, но для понимания будет и трех достаточно. Наша, земная, она посередине, - учитель тыкал в круги и монотонно объяснял простые для него истины, будто учил нового подмастерье работе токарного станка, - тут собственно вся сущность материальна. Я, ты, царь, корона евойная, деревья, птицы, камни, рыба трава, сталбыть всё что потрогать да пощупать можно - все земное. Тут у нас физика работает, химия, ну и немножко *Сила*, которая как из верхней сферы приходит, так и из нижней. В верхней сфере – вибрации высокие, в нижней – низкие, а на нашей земле – все три сферы сходятся, - Архип затейливо подрисовал грифелем на бумаге маленькую руну, и рисунки на земле, вслед его движению пальцев, соединились в одну сферу, со слегка расходящимися краями, - потому тут вся Сила обретает плотность и материальность. Но если мы сбоку посмотрим, али сверху... - он снова нарисовал маленькую черточку, и круги снова выстроились в ровную линию друг за другом, будто кто-то повернул прозрачную бочку с тремя шарами на бок, и два крайних шара едва цеплялись краев центрального, - вот на этих вот стыках мы и работаем, токмо мы с нижней сферой близки, а юнкера суеверные – с верхней. Всякой сущности из верхней сферы, или из нижней – очень тяжело материализоваться. Плотность не та, - Архип стряхнул с рукава сухую торфяную пыль. - Наш мир для них - как для рыбы суша, а для человека кипящая смола. Задохнутся, рассыплются, не удержат форму сами по себе. Силы через край, а плотности нет. Потому-то вся эта нечисть из низов, да и сущности из верхов, на людей и садятся. Человек для них - идеальный проводник, якорь и сосуд разом. Сами по себе они в нашей яви и пары минут не протянут, а вот оседлав человеческую плоть да волю, могут здесь жить, жрать чужие соки и свою природу проявлять. Но бывает, что и подолгу остаются, если кто ему сумеет их рунами удержать, или заклятьем. Сказки же читал? Все эти русалки, лешие, вурдалаки, упыри, домовые, жар-птицы, гамаюны да беры говорящие – сущности из сфер. Но и им за что-то цепляться всё же надо. За курган какой древний, склеп или храм, места Силы короче говоря. Вот лешего взять...

Неподалёку, у замшелого корня старой сосны, воздух вдруг налился вязкой, дрожащей рябью. Из мутного марева с противным хлоппаньем соткался накер - сморщенный, кривобокий, размером с крупную собаку, сотканный из комьев влажной бурой тины и слепых наростов. Тварь судорожно разинула беззубую пасть, пытаясь зацепиться когтями за земную твердь, но носителя рядом не нашла. Её кожа мгновенно натянулась, забурлила десятками пузырей, и прямо на глазах у остолбеневшего Кости накер с глухим хлопком лопнул, брызнув во все стороны едкой жижей и мгновенно растаявшим серым дымом.

Костя вздрогнул и машинально заслонился локтем.

- Вот тебе и наглядный пример, - усмехнулся Архип, даже не моргнув. - Не успел присосаться - порвало давлением нашего мира. Но если человек сам умеет к тем сферам дорожку протапывать, начинается совсем другая песня. Мы, к примеру, всем нутром к нижней сфере притянуты. Берем силу со дна - через тлен, прах, пустоту, разложение и затухание жизни. Там вибрации тяжёлые, липкие, мёртвые, но дают колоссальную мощь над плотью.

Старик перевернул ветку и ткнул в верхний круг на торфе:

- А вот гвардейцы государевы, инквизиторы, юнкера - к высшей сфере привязаны. Их сила - оттуда, где свет, абсолютный порядок и чистая ярость небес. Высокие вибрации выжигают скверну на корню, оттого клинки гвардейцев пылают так, что любую нечисть в пепел обращают. Только ты не обольщайся: высшая сфера выжигает человеческий разум не хуже, чем нижняя пожирает тело. Источники разные, а расплата одна - наше земное нутро.

Архип глубоко затаился, и в его серых выпцветших глазах на мгновение блеснул темный, застарелый огонь - не злоба, а та тяжелая, невыносимая память, которую не залить никакой водкой.

- Девятьсот пятый год помнишь? - негромко произнес старик, глядя в колышущуюся муть Стохода. - Ты мал был, а я на Дворцовой стоял. С Марусей моей, покойницей. Мы ведь с иконами шли, дураки наивные. Царю челобитную несли: мол, батюшка, жрать нечего, дети у станков по четырнадцать часов чахнут, податей невпроворот... А навстречу - сотня казаков с нагайками да обнаженными шашками. И ведь светло так было, солнышко зимнее сияло, хоругви золотом отливали - благодать господня, чистый свет! А потом какой-то молоденький корнет - рожа сытая, холеная, глаза пустые, ясные - прямо на Марусю мою коня и осадил. Подковами в грудь втоптал...

Архип глядел в воду и потер заскорузлой ладонью грудины.

- И что корнету тому было? Две недели гауптвахты. А ее я в мерзлую землю на Волковом кладбище положил. Выл тогда, как волк на луну, а в нутре дыра прогорела - до сих пор по ночам крутит. Вот тогда я и понял, Котья: пока мы крестимся да лоб о камни расшибаем, они нашей кровью свои дворцы штукатурят, а попутно в уши дуют, что надо к «Свету» тянуться, терпеть да смиряться.

Старик взял веточку и соединил верхний и нижний круги на торфе одной жирной, плавной чертой, замкнув их в единую восьмерку.

- А правда-то простая, волчонок. Тьма и Свет - это не война добра со злом, как попы в церквях врут. Это две клеммы одной батареи. Плюс и минус. День и ночь. Север и Юг. Попробуй на заводе пустить ток только по одному проводу - ни один станок не шелохнется, искры не высечешь. Одно без другого мертво. Верхняя сфера без нижней - это слепящий, безжалостный огонь, который человека дотла выжигает в фанатика бессмысленного. А нижняя без верхней - гнилой, липкий холод, что в прах все обращает. Они из одного корня растут и друг друга жрут. Это единое колесо, Костя. И крутится оно на нашей с тобой шкуре.

- Так, а что за Контракт то? - уже с понимающим интересом спросил Костя.

- Контракт... Ну как тебе объяснить попроще. Вот идешь ты в ломбард за ссудой, а в обмен - часы отдаешь, или цепочку. А тебе взамен лавочник - деньгу, но ежели долг не вернешь в срок, - пропали часы.

- А контракт?

- А контракт - это тоже самое. Только без часов и денег. В какой-то момент сущности Сфер придут забирать своё. А что заберут - только тогда и узнаешь.

- То есть контракт можно и с Высшей Сферой заключить?

- А Сферы не разбираются, молишься ты, или проклинаешь. От намерения твоего зависит, и от усердия. За доброе просишь, для другого - может и бес прийти, и ангел, и всё в твою пользу обернут. За себя просишь - тоже выбирает жребий, но чаще снизу придут, потому как плотское всё - снизу идет. Но контракт, Костя, всё одно оплатить придётся.

Архип бросил веточку в болотную жижу и посмотрел на парня тяжелым, испытующим взглядом:

- Так что по мне, что свет, что тьма - разницы нет. Инструмент это. Главное - человеком остаться и не дать этим силам поводок на шею накинуть. Царь наш, Николай, может, сам по себе мужик и обычный, без всякого дара, как мы с тобой, но он всё же из плоти и костей, как ты или я. Да только на нем с верхней сферы столько всего нацеплено - ууу-у... Кольчуга из веры миллионов, обеты, помазание. Его эти небесные сущности изнутри высушили, осталась одна гордыня да слепота. А рядом с ним - Гришка Распутин. Тот шельма похитрее оказался. Он на царя и на семью его с обеих сфер таких персонажей понасажал - и святых мучеников, и бесов похотливых с самого дна, - что диву даешься, как они там уживаются и плоть царскую

не разорвут. Сплел их в один клубок, нащупал эту самую ось и крутит самодержавием, как цыган медведем на ярмарке.

Старик тяжело поднялся на ноги, отряхивая брезентовые колени:

- Так что запомни, Костя: не ищи святости в Свете и не бойся Тьмы. Они - две половины одного топора. Вопрос только в том, чья рука держит топорище, и по чьей шее придется удар. Старик поднялся, вытащил из-за пояса стальную чертилку.

- Ладно, волчонок. Потехе час. – увидев полную чистую луну, вышедшую из-за облаков, заторопился Архип. - Смотри и учись. Никакого колдовства тут нет. Чистая геометрия и баланс давления. Если десятки тысяч людей согнали на убой, их боль никуда не исчезает. Она висит над землей, как угарный газ в закрытой кузне. Наша задача - не дать ей пропасть даром. Направить туда, где она плотину сорвет.

Архип шагнул по колено в темную жижу, опустился и резким, выверенным движением токаря прочертил острием стали глубокую борозду на сыром бревне затопленного понтона. Затем вспорол себе подушечку пальца, мазнул кровью по канавке и негромко, размеренно начал читать формулу - без экзальтации, буднично, словно диктовал размеры детали ученику:

«Именем безымянных, павших во тьме без вины... Кровь к воде, вода к камню, камень к железу. Да вернется долг создававшим...»

Константин подался вперед, впиваясь глазами в каждый жест мастера.

Поверхность болота дрогнула. Воздух вокруг Архипа загустел, по воде побежали мелкие концентрические круги. И вдруг из-под плавающих тел гвардейцев, из глубины черной трясины, к начертанным на бревне линиям потянулись тонкие, светящиеся багровым фосфором струи. Это не были призраки - это была плотная, концентрированная тяжесть чужой предсмертной муки. Архип не ломал пространство, он мягко направлял этот поток, как опытный слесарь пускает воду по трубам, сводя ручейки в один мощный, пульсирующий жгут в основном русле реки.

- Черти, Костя, рисуй, не зевай! - негромко бросил старик, и по его щеке от напряжения поползла струйка пота. - Видишь, как жила пошла? По течению ее води, в русло Припяти. Вода - она проводник лучший. До самого Днепра дойдет, до Киева докатится. Пусть генералы в своих штабах почуют, чем их победы пахнут.

Костя торопливо заскрипел грифелем по бумаге, фиксируя точки схождения и углы отвода энергии. Внутри у него не было страха. Было странное, пьянящее чувство справедливости. Дядя Архип учил его не злу - он учил его обращаться с оружием возмездия.

Архип с глухим выдохом выдернул стальной штырь из дерева, запирая контур.

Багровый сгусток под водой сорвался с места и с глухим, утробным рокотом унесся вниз по течению Стохода, окрашивая реку в цвет сырой меди.

Старик тяжело выбрался на настил, сел рядом с Костей, вытер мокрый лоб рукавом и потрепал парня по плечу своей тяжелой, шершавой рукой:

- Вот так, волчонок. Первый урок усвоил. Запомни: кровь зазя лить - последнее дело, это барская забава. Но если уж пролилась - заставь ее работать на тех, кто остался жив. Пора уходить. Скоро австрийская батарея проснется.

Выше по склону, за остовом полуразрушенной ветряной мельницы, за происходящим на болоте наблюдали двое.

Они не местили окопную грязь. На одном было длинное, глухо застегнутое черное драповое пальто столичного покроя с поднятым воротником, на другом - строгая дорожная кожанка без погон и знаков различия. Сквозь мокрую пелену дождя и шрапнельной гари тот, что в пальто, держал у глаз тяжелый армейский бинокль. На мизинце виднелся золотой перстень с черным камнем, а вместо обычных линз в латунных тубусах мерцали тончайшие пластины из полированного обсидиана, позволявшие видеть истинное натяжение Сферы.

- Мальчишка чертит чисто, - негромко произнес наблюдатель. Голос его звучал сухо, интеллигентно и без малейшей эмоции - так говорят лекторы в университетских аудиториях, обсуждая математическую задачу. - Рука не дрогнула, когда падальщики полезли.

- У него личный счет к старому миру, - отозвался второй, не вынимая рук из глубоких карманов кожанки. - В Мирном каратели выжгли все под корень. Такие сироты не ломаются - из них получается лучший инструмент. Архип научит его ремеслу, заложит основу. А когда придет срок - мы заберем его на огранку.

Человек с биноклем плавно опустил оптику. Лицо его скрывала тень глубокого картуза, но в полумраке хищно блеснули тонкие круглые стекла очков в золотой оправе и жесткая, почти геометрическая линия сжатых губ.

Внизу, в изломанном русле Стохода, багровый пульсирующий жгут окончательно скрылся под темной водой, унося яд смерти вниз по течению - к Припяти, к Киеву, к самому сердцу страны. Золотистые купола имперских мистиков на позициях гвардии вдалеке уже не сияли чистым монастырским светом: они подернулись мутью и истончались на глазах, не выдерживая давления пролитой крови.

- Гвардия перемолота в этой трясине, - холодно подытожил человек в пальто, доставая из кармана тяжелые карманные часы и сверяясь со временем. - Днепровский рубеж треснул. К зиме в столице упадет главная духовная печать Романовых, а к весне рухнет и сам ветхий трон.

Он с сухим, отчетливым щелчком захлопнул крышку часов, пряча их обратно во внутренний карман, и развернулся спиной к гиблым толям:

- Всё идет строго по плану. Передайте в Цюрих: пора готовить пломбированный состав. И отправьте отдельную телефонограмму Ленину.

Глава 3.

Яблочко.

Прифронтовой госпиталь, Рига, март 1916 года.

- Будешь? – перемотанный в районе живота серо-белой хламидой ветоши, с мелкой багровой россыпью кровавых пятен, солдат протянул большое красное яблоко Оксане. На вид солдату было не больше пятнадцати лет, и форма на нем, несмотря на малый размер, была как влитая.

Воздух в санитарном бараке был густым, едким и насквозь пропитанным гремучей смесью карболки, серной кислоты, машинного дегтя и ядреной самосадной махорки. Снаружи, за бревенчатыми стенами, выла последняя мартовская метель, но сквозь вой выюги и отдаленную глухую канонаду снизу, от ремонтных сараев, доносился залиvistый, пьянящий визг трехрядной гармонии-тальянки и хриплые голоса лесных мастеров из рижской артели.

Они пели нагло, вразнобой, под мерный стук кузнечных молотов и свист стравливаемого из котлов пара:

Эх, яблочко, да завод в боку,

За царя нас в окоп, что курнуть табаку!

Ну а нам что царь, что сволочь серая,

Лишь бы пар валил, да бабы спелые!..

Оксана лежала на наспех сбитой скрипучей койке с сенным матрасом, из которого колко торчали мелкие прутики. Прикрытая грязной солдатской шинелью, почти бездыханно смотрела на огонь чугунной печурки. Каждый вдох давался ей так, словно в горло засыпали толченное стекло.

Губы налились свинцовой синевой. Под ребрами, с левой стороны, колотился не орган – там билась в агонии полураздавленная, задыхающаяся канарейка. Сердце давало жуткие, ледяные паузы, во время которых мир мерк.

- Так будешь или нет? – навязчивый солдат заходил уже третий раз, будто ждал чего-то, толи смерти, толи кого-то важного, кто непременно должен прийти в эту небольшую палату, – если не будешь, я сам съем. А ты что молчишь то всё, хоть бы слово сказала. Меня Мартыном звать, а тебя?

В эти черные провалы сквозь удушье прорывались обрывки памяти. Мирное. Высокое солнце над речкой. Звонкий смех вихрастого Егорки, с гордостью тащившего ей речного окуня и пахнущего кузнечной гарью. И угрюмый, но всегда заботливый Котька, сидевший на корточках в крапиве и молча прижимавший подорожник к ее рассеченной о ракушку ступне...

- Ты давай не засыпай, а то совсем уснешь! – боец присел на край кровати, громко надкусил яблоко, и стал по-детски болтать ножками, едва доходящими до пола. От запаха машинной смазки и влажного шинельного войлока дышать стало еще невыносимее.

Оксана всхлипнула. По серой от копоти щеке скатилась чистая, горячая слезинка. Ей было всего семнадцать, и ей было невыносимо страшно умирать под пьяный рев гармонии рядом со странным, будто чужим солдатом.

- Не реви, кожаная! Слеза - проводник дурной, замкнет еще к шутам свинячьим! - раздался от двери дребезжащий, лихорадочный голос.

Перед ней замаячило сухощавое, дерганое, улыбающееся половиной рта, оголяя кривые, желтоватые зубы лицо в круглых сварочных очках с треснувшим зеленым стеклом. Изпод мятой фуражки торчали клочья белых растрепанных волос. Это был Ришар по прозвищу «Вжик» - механик с рижского завода, которого в армейском корпусе держали за буйного сумасшедшего, но не гнали за золотые руки. Он появился на заводе около двух недель назад вместе с Мартыном, откуда и почему - никто не знал, но оба втянулись в доверие без лишних вопросов, так как как только он перешагнул порог завода, починил почти всё сломанное, наладил производство всех необходимых фронту компонентов и даже изобрел новые, доселе неизвестные агрегаты.

Ришар непрерывно жевал и сплевывал табак, а в его длинных, худых испачканных графитом и кислотой руках была деревянная, отточенная и покрытая палубным лаком коробочка.

- Мортынко! Гляди что я принес, Мортынко! Это просто чудо, Мортынко, я никогда такого не делал, Мортынко! Это просто чудо, Мортынко! Просто вжик, и готово! И знаешь, что самое главное Мортынко? - Ришар охаживал молодого солдата и тряс перед ним заветной коробочкой, в которой что-то мерно тикало. Он то клал коробочку на потрескавшуюся прикроватную тумбу, то глядел в глаза недоумевающему солдатику, то трепал его за плечи, то вновь поднимал сундучок над головой, то смотрел на Оксану, и все время безразборчиво бормотал

- А все Нилыч надоумил, Мортынко! Вот что значит сошлись два гения, Мортынко! - Ришар охаживал молодого солдата и тряс перед ним заветной коробочкой, в которой что-то мерно тикало. - Собрал, чертяку! Плотность электролита - тридцать градусов по Боме, Мортынко! Тридцать градусов, Мортынко, у кислоты! Ампулы в свинцовой рубашке! Ты знаешь, что это значит??! - сумасшедший инженер возбужденно хохотнул и дернул плечом.

- Ошалел совсем, дед? - Мартын ошарашенно попятился, едва не выронив надкусанное красное яблоко. - Какая кислота, ты глянь на неё - девка синяя вся, отходит уже! А ты железками своими трясешь, леший тебя дери!

- Сам ты леший, Мортынко! Ничего ты в механике не смыслишь, Мортынко! Это ж вечный ток, понимаешь? Вжик - и поехало! - Ришар судорожно дернул плечом, щелкнул медным замочком и распахнул лакированную крышку прямо перед лицом задыхающейся девушки. Внутри, на подушке из промасленного конского волоса, тускло блеснуло нечто невообразимое. Сложный, филигранно сработанный прибор размером с увесистый кулак переливался полированной оружейной сталью и латунью. В самом его центре, за толстым граненым стеклом эбонитовой колбы, тлела ядовито-синим электрическим светом кислота, омывая тончайшие пластины из платины и цинка. Сверху крепился крошечный роторный насос с титановыми лепестками клапанов, а от эбонитового корпуса отходили серебряные витые проводники в каучуковой оплетке. Механизм жил собственной жизнью: внутри него с сухим, почти неслышным стрекотом поворачивался часовой эксцентрик, а от клемм пахло грозой и чистым озоном.

- Видала? - Ришар сунул прибор почти к самому лицу Оксаны, и в его безумных глазах отразились синие электрические искры. - Мужики на таких элементах лесопилки крутят и кузнечный молот! Сердечник бьет тридцать вольт в импульсе - точнехонько под синусовый узел! А сбоку, под ключицей, выведем тебе латунную розетку под ключ с динамо-приводом. Раз в сутки покрутишь ручку пять минут, заведешь пружинный дублер, капнешь шприцем электролита в клапан - и ходи хоть сто лет! Ни пуля тебя не возьмет, ни тиф, ни французский насморк! Толькоправлять не забывай!

- Полно юродствовать, Ришар, - раздался от порога тяжелый, властный голос, мгновенно оборвавший причитания безумного механика. Сквозь клубы морозного пара в барак шагнул Николай Нилович Бурденко. В расстегнутом белом фартуке поверх кителя, со сбившимся

набок галстуком и засученными по локоть мускулистыми рукавами, он казался ожившим гранитным утесом среди этого госпитального хаоса. Позади него санитары уже везли каталку с блестящими никелированными зажимами и пузырьками эфира. Бурденко подошел к койке, решительно отодвинул Мартына плечом и положил широкую, теплую ладонь на лоб Оксаны. Другой рукой нащупал едва различимую пульсацию на ее шее.

- Отекают легкие, - бросил хирург через плечо ассистенту. Затем наклонился к самому лицу девушки, и в его суровых глазах сквозь пелену бессонных ночей проглянуло что-то бесконечно человеческое: - Слышишь меня, голубушка? Твое родное сердце больше не тянет. Мышечная сорочка порвана, клапан не держит. Еще полчаса - и захлебнешься. Но есть выход, хоть и авантюрный...

Оксана с трудом повернула голову, глядя на страшную, тикающую синим огнем коробочку в руках Ришара.

- Железо... - сухие губы едва повиновались, голос сорвался на сиплый шепот. - В грудь... железо? А как же... душа, доктор?.. Любить... как же?..

- Душа твоя в голове останется, - жестко, без сантиментов отрезал Бурденко, но руку с ее лба не убрал. - А сердце - это помпа. Насос для перекачки крови. Твой сгнил, а этот кудесник Ришар собрал новый, вечный. Чувствовать будешь иначе. Ни тоски, ни страха эта машина не знает, пульс держит ровно. Но ты будешь дышать. Будешь жить и по земле ходить. Выбирай, Оксана. Или мы идем на стол прямо сейчас, или через двадцать минут ты уснешь навеки под эту гармонь. Оксана перевела мутнеющий взгляд на огонь в чугунной печурке. В памяти в последний раз обожгло: безмятежное Мирное, смех отца, объятия матери, голоса друзей и туман над утренней рекой в предрассветный час... Она хотела жить. Хотела увидеть, куда выведет эта горящая, сходящая с ума земля.

- Режьте, - выдохнула она одними губами. - Ставьте свою шарманку...

Холодный металл операционного стола обжег спину даже сквозь простыню. Бурденко навис сверху, накладывая на лицо Оксаны проволочную сетку, обтянутую марлей.

- Считай, милая. Раз... два...

На марлю полилась ледяная, сладковато-удушливая струя хлороформа пополам с эфиром. В нос ударила едкая смесь, напоминающая яблочную медовуху, которую украдкой еще в детстве Оксана отпила из кружки отца. Воздух кончился. Стены операционной, свист метели, яблоко Мартынки, кривые зубы Ришара и огромные плечи Бурденко закружились в дикой воронке и рухнули в абсолютную, гулкую черноту. Где-то на краю гаснущего сознания хрустнула перекушенная реберная кость, обожгло грудину ледяным разрезом скальпеля, но боли не было - сознание Оксаны сорвало с петель и швырнуло сквозь пространство и время. Сфера распахнулась перед ней черной бездной. Она увидела ту же самую русскую землю, бескрайние степи и берега седого Днепра, но пейзаж был неузнаваем, страшен и выжжен дотла. Земля была вспорота гигантскими, уходящими за горизонт зигзагами траншей, залитых грязью и заваленных обломками искореженного металла. В небе не было полотняных аэропланов и цеппелинов. С мерзким, тонким, сверлящим мозг комариным визгом над перепаханнами полями роились стаи механических тварей - небольших угловатых трутней с четырьмя бешеными пропеллерами и выпуклыми стеклянными глазами. Они не знали усталости, не знали пощады. Они выслеживали людей с точностью часовых механизмов и камнем падали вниз, расцветая огненными столбами. Оксана заглядывала в лица солдат, прятавшихся в бетонных норах. Ее прошиб нечеловеческий ужас: эти люди были одинаковыми. Не просто одинаковыми, они были одним целым, но знамена были разными, у одних был на плече нашит русский флаг, только без орла, а у других - стяг, напоминающий пшеничное поле в ясный безоблачный день. Одни и те же светлые чубы, серые глаза, та же знакомая с детства речь. Что или кто могло разделить братьев? Обман, ложные обещания или непомерные амбиции, или может банальный подкуп?

Мужчины в пятнистой броне с яростью и отчаянием убивали друг друга из чудовищного автоматического оружия, жгли железом, проклинали одних и тех же богов и звали одних матерей на одном языке. Брат шел на родного брата в бесконечной, бессмысленной технологической бойне, где железо окончательно растоптало человека.

Революция... Великая смута... Подъем... Большая война... Усатый вождь, большой праздник... Стройки, радостные лица... Улыбающийся приветливый мужчина в странном надутом костюме внутри большого сигарообразного металлического дома, покоряющий что-то далекое, но такое близкое сердцу... А потом снова... Меченый вождь, смута, обман, разделение братьев и сестер... И вновь братоубийственная война...

В ее наркотическом бреде ей виделся мир на ближайшие полтора года. Ей казалось, что эта братоубийственная война - прямое продолжение той искры, что запалили в Мирном. Что этот кошмар вот-вот настанет, и станет необратимой всё это фантастическое прорицание, и нужно не дать старому миру рухнуть. Она вдруг увидела своих повзрослевших друзей из прошлой жизни.

Егор, как всегда веселый, благородный, улыбающийся, подбадривающий и дарящий разнообразными безделушками. На нем был старомодный красивый фиолетовый мундир, форма была ему очень к лицу. Над ним был белый свет, ослепляющий, теплый, но в этом свете было что-то старое, дряхлое, умирающее, но в то же время вечное.

И Костя, застенчивый, задумчивый, угрюмый, но всегда заботливый. Он почему-то был одет в кожаную шинель с широким воротом, под шинелью виднелась полосатая тельняшка, а на рукаве виднелась красная повязка с желтыми буквами и непонятными символами. Оксану испугал его взгляд, впалые глаза, в них была ненависть и одновременно горел яркий огонь.

Вдруг видение разорвалось ослепительной синей вспышкой. Прямо в обнаженное нервное сплетение внутри вскрытой грудной клетки ударил гальванический разряд в тридцать вольт. Мышцы свело судорогой.

Клац-тик... пш-ш-ш... пш-ш-ш...

Контакты замкнулись. Титановые лепестки захлопали, всасывая кровь, эксцентрик повернулся с сухим перестуком, и латунный клапан под ключицей со свистом стравил избыточное давление первой стружкой едкого пара. Видение будущего рассыпалось серой пылью. Страх, жалость к старым друзьям, предсмертные слезы и боль - всё это мгновенно выгорело, вытесненное ледяной, стерильной пустотой. Механическое сердце вступило в свой первый, идеально ровный, вечный ритм, оставив в душе лишь прозрачный холод и математическую четкость рассудка.

Бурденко отложил окровавленный иглодержатель в эмалированный лоток, стянул резиновые перчатки и тяжело опёрся о край стола. В груди Оксаны сквозь аккуратный, стянутый шелком шов отчетливо и мерно тикало:

Клац-тик... пш-ш-ш...

Клац-тик... пш-ш-ш...

Девчонка спала, ее лицо порозовело, а дыхание выровнялось.

- Шов держит. Ток стабильный, - глухо выдохнул профессор, вытирая рукавом взмокший лоб. - Черт тебя дери, Ришар, если нас за это не расстреляют, то в академию выберут точно.

- Какая академия, Николай Нилыч! Какая к шутам академия, Мортынко! - Ришар уже не слушал. Он лихорадочно рылся в холщовом вещмешке, выуживая оттуда массивную, несущую разную штукуну из полированной меди, тусклого свинца и толстого граненого стекла.

Сверху прибора угрожающе топорщился пузатый стеклянный колпак, наполненный ядовито-зеленой, бурлящей фосфоресцирующей жижей. Сбоку торчал латунный рычаг и круглая шкала с непонятными руническими делениями.

- Ты куда это намылился, деда? - Мартын, все еще держа надкусанное яблоко, с опаской покосился на булькающую адскую машинку. - А рапорт? А комендант? Нас же под трибунал за самоволку пустят!

- Плевать я хотел на твоего коменданта, Мортынко! - Ришар схватил парня за ворот окровавленной шинели и с силой встряхнул. - Ты слышал, что на севере творится? Там Аврора вот-вот бабахнет, пространство в узел завяжет! Нам тут делать нечего, Мортынко! У нас приключение было ровно на двадцать минут, Мортынко! Зашли, пересадили карбюратор, вышли! Задержка на две недели в мои планы не входила! Так что вжик - и дома!

- Куда дома-то?.. - залепетал Мартын, пытаясь вырваться. - У меня ж дивизия... у меня яблоко...

- Заткнись и держись за ремень!

Ришар вскинул медную рукоять, направив дуло прибора в глухую бревенчатую стену барака, и с хрустом вдавил латунный рычаг.

Воздух не просто дрогнул - он сочно, с чавкающим электрическим звуком лопнул.

Прямо посреди смолистых бревен, не повреждая дерева, закружилась ослепительная, ядовито-зеленая воронка из жидкого сияющего света и брызг неизвестной светящейся слизи. Из глубины портала пахло не сырым снегом Полесья, а чужими ветрами, раскаленным кремнием и космическим холодом.

Бурденко лишь молча поднял бровь, не шелохнувшись, и полез в карман за папиросой:

- Занятная физика. Только стену казенную не спалите.

- Бывай, профессор! Не давай попусту клапанам ржаветь! - гаркнул Ришар.

Он с безумным хохотом вцепился в шинель Мартына и рыбкой сиганул прямо в центр бурлящей зеленой жижи, увлакивая за собой орущего от ужаса солдата.

Зеленая воронка с громким щелчком схлопнулась внутрь себя. Бревна стены остались абсолютно сухими и целыми, лишь в воздухе операционной повис легкий запах жженого сахара, озона и ядовитой зелени.

Затем воронка появилась вновь, в комнату вошел Ришар, со словами:

- Ах, да, совсем забыл!

Чокнутый профессор забрал забытое внуком яблоко с тумбочки, нажал на кнопку на своих часах, вдалив что-то гулко ахнуло.

- Передайте Брусилову, что теперь можно! Аривидерчи, господа, надеюсь больше никогда не увидимся! - сказал на прощание Ришар и вновь ушел в зеленую воронку, которая захлопнулась вслед за ним.

Бурденко чиркнул спичкой о коробок, глубоко затянулся и посмотрел на спящую девушку с тикающей латунной грудью:

- Гости из очень дальних сфер... Всё одно вернуться. Третий раз уже выручают, - сказал профессор, поглаживая в кармане небольшую, выданную Ришаром странного сплава кнопку вызова с надписью С-137, - кто они такие, да впрочем всё равно, главное помогают, и безвозмездно. А самое главное - девочка будет жить. Определим ка мы тебя в механики, Оксана Васильевна...

Глава 4

В которой появляется мера людской обиды.

*Черниговская губерния, поместье Дубровицы,
сентябрь 1916 года.*

Черниговский тракт раскис от затяжных осенних дождей. Земля здесь пахла прелым дубовым листом, сырым грибным мхом и той глухой, застоявшейся тоской, которая бывает только в глухих лесных уездах на пороге холодов.

Егор добрался до Дубровиц на перекладных к вечеру. Казенная юнкерская шинель промокла насквозь и тянула плечи пудовой тяжестью, а в новеньких сапогах хлюпало. Предписание Особого отдела жгло нагрудный карман: в волости творилось неладное. С тех пор как по Днепру и Десне прошла багровая муть с волынских болот, из вековых лесов поползла тварь. Сначала в приболотных деревнях гибла скотина - коровам кто-то вскрывал хребты одним ударом, не трогая мяса, а на прошлой неделе в овраге у мельницы нашли пастушонка. Мальчишка был высушен досуха, а кости смолоты в мелкий щебень, будто под паровым прессом.

Первым делом полагалось явиться к местному предводителю дворянства - помещику Всеволоду Евграфовичу Головину.

Усадьба встретила Егора белыми колоннами с облупившейся штукатуркой, запахом восковых свечей, трубочного табака и жареного рябчика. Сам Головин - грузный старик с холерными седыми бакенбардами, в бархатном шлафроке поверх крахмальной манишки - принял юнкера в библиотеке.

- Значит, из самого Киева прислали? - помещик, похаживая по кабинету, с сомнением оглядел широкие крестьянские плечи Егора и его грубые, обожженные кузнечной окалиной руки. Он плеснул в хрустальный лафитник янтарной наливки, но гостю не предложил. - Молодоват. Я-то думал, казачью сотню пришлют. Мужичье совсем от рук отбилось, юноша!

Головин нервно заходил по ковру, сердито попыхивая трубкой:

- Война три года идет, государь-батюшка на фронте молится, а эти хамы работать не желают! Чуть в лесу ветка хрустнет - они уже в избах запираются, оброк не везут, барщину срывают. «Нечисть, барин, лешак объявился!» Дурь одна и бунтовские настроения! Розгами бы их всех по субботам пороть, как при покойном дедушке, так мигом бы вся нечисть повывелась. Вы уж разберитесь там, голубчик. Пристрелите волка или дезертира, кто там у них шалит, да велите старосте завтра же овес на ссыпной пункт гнать. За победу государя надо платить сполна!

Егор молча выслушал тираду, попутно размышляя о вменяемости барина, ведь оброк и барщину отменили лет уж как пятьдесят. Он коротко козырнул и вышел в ночь. В помещицьем доме ему было душно - сильнее, чем в монастырском подземелье.

Спустившись с холма, он направился к деревне.

В избе старосты, освещенной лишь лучиной в жестяном корытце с водой, воздух был совсем другим: тяжелым от запаха кислой капусты, немытых тел и застарелой, молчаливой ненависти. За столом сидели трое стариков да седой деревенский кузнец Михай с культей вместо левой кисти - память о русско-японской. На юнкерский мундир Егора мужики глянули исподлобья, как на чуму.

- Ты, служивый, барину-то не подпевай, - глухо, не поднимая глаз, заговорил Михай, постукивая по столу деревянной ложкой. - Барин в окно на лес глядит, да рябчиков жрет. А у нас из десяти дворов восемь мужиков под Перемышлем да на Стоходе сгнили. Бабы в плуг впрягаются, дети лебеду жуют. Последнюю корову на прошлой неделе жандармы казенные увели под расписку. А ту, что осталась, тварь из чащобы задрала.

- Что за тварь, дядька? - спокойно спросил Егор, присаживаясь на лавку у порога и снимая мокрые рукавицы.

- Морник болотный, - подал голос дед с печи. - С Чертова урочища идет, где курганы древние. Как вода в реке почернела, так курганы и задышали. Тварь ростом с доброго быка, шкура как дубовая кора, когтями гранит крошит, а вокруг нее морок такой стоит, что ружье осечку дает, а лошади от ужаса замертво падают. Не возьмет ее твоя офицерская пукалка, парень. Зря приехал.

- Пукалкой и не подумаю, - усмехнулся Егор. Он поднял глаза на Михея: - Кузня твоя жива, мастер? Уголь есть?

- Горн остыл, да угля с полмешка сыщется, - нахмурился кузнец. - А на кой тебе?

- Металл греть будем.

Через полчаса старая деревенская кузня ожила. В горне, раздуваемом дырявыми мехами, гудело и ярилось вишневое пламя.

Егор скинул шинель, оставшись в одном исподнем, перепоясанном сыромятным ремнем. Он нашел в углу тяжелую полосу старого кричного железа - вязкого, неочищенного, с высоким содержанием кремния. Положил на наковальню, взял тяжелый пятифунтовый молот.

- Серебра хоть грамм есть?

- Так барин давно все драгоценности к себе запрятал, на чердаке у себя держит, не иначе. Даже кресты со всех собрал... Но я припрятал маненько... - Михей протянул Егору два кольца детской крестильной цепочки, весу в них было от силы полграмма.

- Сойдет... - Егор положил мелкие, меньше рисинки крупички серебра к будущему сплаву. Смотри, Михей, - негромко сказал Егор.

Он закрыл глаза, вызывая внутри себя ту самую точку тепла, которой учил его Кашеинский. Но он не призывал небесный огонь, как штабные мистики, - Егор влил силу прямо в свои мускулы и боек молота.

Удар.

Металл отозвался не звоном, а глухим, утробным гулом. По полосе железа побежали тонкие золотистые жилки. Егор ковал широкую, тяжелую рогатину с граненым пером и длинными упорами. С каждым ударом он уплотнял кристаллическую решетку сплава, направляя вектор прочности вдоль острия так, чтобы клинок мог выдержать чудовищный таранный удар и не согнуться. В бадью для закалки он бросил горсть соли и щепоть золы от осиновой коры.

Шипение пара озаарило кузню белым сиянием. Рогатина вышла темной, матовой, тяжелой, как могильная плита, но в руках Егора она казалась невесомой - баланс был выверен до крупички.

- Колдун... - прошептал Михей, глядя на светящиеся и медленно гаснущие в металле руны.

- Кузнец, - поправил Егор, оглаживая шершавое древко из высушенного ясеня. - Пойду я. До рассвета надо управиться.

Егор вышел из кузни в стылую осеннюю морось.

Тяжелая ясеневая рогатина привычно легла на плечо. Закаленная сталь пера все еще отдавала в ладонь глухим, еле заметным теплом - векторная прочность держала металл в постоянном внутреннем напряжении, готовом спружинить при первом ударе.

Деревня тонула в липком черном тумане. Улицы не освещались, лишь кое-где сквозь мутные, затянутые бычьим пузырем или потрескавшимся стеклом оконца сочился жадный желтый свет лучин. Егор шагал по раскисшей колее, и каждый шаг отзывался хлюпаньем жидкой глины. Деревня жила своей тайной, придавленной жизнью, не обращая внимания на чужака с оружием, - здесь каждый был заперт в собственной беде.

У покосившегося забора на перевернутом корыте сидели двое. Один - безногий инвалид в расстегнутом солдатском френче без погон, опиравшийся на грубо оструганную клюку, второй - сгорбленный старик в дырявом зипуне.

- ...под Барановичами, говорят, полки вовсе винтовки в землю воткнули, - глухо, сипя простуженной грудью, говорил солдат, не глядя на проходящего Егора. - Офицеров, кто шибко лютовал, в болото с мостков спустили. Жрать нечего, снарядов нет, на роту три винтовки... А царица-немка тем часом в Петрограде через проволоку кайзеру доклады шлет.

- Молчи, Еремей, грех на душу не бери, - крестился старик трясущейся рукой. - Власть - она от Бога... Бог терпел и нам велел...

- Натерпелись, дед! - осклабился калека. - Вот подохнем тут с голодухи к Рождеству - поглядим, какой тебе Бог овса в амбар насыплет.

Чуть дальше, у крыльца полуразвалившейся избы с проваленной соломенной крышей, молодая баба в рваном платке качала на руках завернутый в грязную тряпку сверток. Из свертка доносился тонкий, угасающий, похожий на мышиный писк плач. Рядом на ступеньках сидела девочка лет пяти и с тупым, недетским упорством скоблила деревянной щепкой мерзлую прошлогоднюю брюкву.

- Спи, Ванюшка, спи, касатик... - монотонно, без слез и без надежды причитала мать, глядя в темноту остекленевшими глазами. - Завтра крапивки сушеной запарим, коры с березки натолчем... Барин овес в город свез, господам на пряники, а нам земля пухом... спи, сыночек...

Из темноты подворотни блеснули дикие, голодные глаза двоих мальчишек. Они с остервенением рвали друг у друга из рук комки сырой жмыховой макухи, шипя и царапаясь, как волчата. Завидев рогатину и блеснувшие пуговицы на юнкерской шинели Егора, мальчишки мгновенно юркнули в щель за сараем, затаившись в погребке.

Никто не кричал «ура», никто не славил государя. Деревня не просто умирала - она тихо, ожесточенно сходила с ума от голода и бессильной злобы.

Дорога пошла в гору, выводя к сельскому погосту.

На холме, окруженная вековыми березами и покосившимися дубовыми крестами, стояла деревянная церковь. Почерневшие от дождей купола казались шлемами спящих витязей, но колокола на звоннице молчали уже давно - веревки были срезаны.

Егор толкнул тяжелую кованую дверь.

Внутри пахло старым ладаном, мышиным пометом, сырым воском и тленом. Перед закопченным темным образом Спаса Нерукотворного горела одна-единственная сальная свеча. На коленях перед алтарем, низко опустив седую косматую голову в потертой скуфье, стоял священник.

- Молитва не доходит, чадо, - не оборачиваясь на скрип половиц, скрипучим растяжистым голосом произнес старик. - Не трать шагов, не топчи грязь в доме Господнем.

Егор опер рогатину о стену у притвора и подошел ближе:

- Отчего же не доходит, батюшка?

Священник тяжело поднялся, кряхтя и держась за свечник. Лицо его было изборождено глубокими морщинами, а глаза - выцветшие, слезящиеся - смотрели не на Егора, а куда-то сквозь него, в ту же самую черную мглу.

- Небо над нами закрылось, - старик показал дрожащим пальцем вверх, на почерневшие своды храма. - С тех пор как реки кровью потекли, Сфера вышняя отвернулась от земли сей. Грех великий на нас, братоубийство ненасытное. Молюсь за здоровье христово воинства - а перед глазами огонь, черти пляшут в погонах. Молюсь за упокой невинных - а в алтаре лампада тухнет и гарью могильной несет.

Отец Нестор перевел взгляд на рогатину в руках Егора. Его брови сдвинулись, он разглядел мерцающие под слоем окарины холодные линии кузнечной ковки.

- Ааа, так ты за морником пришел, служивый? – безрадостно, но с небольшим облегчением сказал батюшка.

- За ним, отче. Скотину бьет, людей крушит.

Священник задумчиво моргнул, отведя взгляд вниз.

- Я до рукоположения то тоже как ты, в особом корпусе состоял. Только времена благодные были, не к чему мне мои умения приложить было. А сейчас, и крови пролилось, обиды накопилось... Не скотина он и не зверь лесной, - священник горько усмехнулся. - Морник тот - плоть от плоти людской обиды. В урочище, под курганами, с батыевых времен кости не упокоены лежали. А нынче земля от голода да злобы крестьянской зашаталась, кровь с рек да полей сквозь грунты просочилась - вот скверна и ожила. Тварь эта - зеркало наше. Чем больше ненависти в избах, чем больше барской спеси на холме - тем она сытнее да сильнее. Барин у алтаря лоб кажен день расшибает, а толку то? В молитвах его добра нет, всё о скопидомстве, чревоугодии да похоти мольбы его. А где о мужиках да бабах молитва?

Старик подошел к Егору вплотную, заглянул в его ясные, нетронутые безумием глаза и тихо перекрестил широкий лоб парня сухонькой, пахнущей воском рукой:

- Железо твое крепко, кузнец. Да только помни: убьешь тварь в лесу - спасешь тело. А как спасти души тех, кто внизу от голода мох да кору глотает, пока на них барин с нагайкой смотрит? На этот вопрос ни твой полковник в Киеве, ни сам государь в Ставке ответа не знают. И я не знаю, вот и церковь пустеет... В последнее воскресенье даже приход не открывал, не идет никто, разуверились... Иди с Богом, юнкер. На восток по просеке через поле иди, а на восточном краю болота курган стоит разрытый - там и ищи чудище.

Егор, выходя из храма повернулся к притвору, трижды перекрестился, и отправился на свою первую охоту. Отец Агафон едва заметно улыбнулся.

Отойдя к заброшенной овине на краю барского сада, Егор прислонил рогатину к бревенчатой стене и начал подготовку к охоте - строго так, как наставлял Казимир Леонтьевич.

«Запомни, юнкер: перед выходом на тварь голову остуди, а металл напои намерением, - звучал в памяти сухой, размеренный голос полковника. - очерти круг, свяжи дыхание с пульсом, проверь узлы натяжения. Если сердце частит - вектор сорвется, и сталь треснет при первой же встрече с костью».

Егор опустился на колени, достал кусок освященного мела и принялся выводить вокруг себя строгий равносторонний треугольник, замыкая вершины в кольцо. Он положил ладони на ясеневое древко, закрыл глаза и начал ровно, глубоко дышать, нагнетая внутреннее тепло к кончикам пальцев, чтобы настроить резонанс между своей Силой и закаленным пером рогатины.

Но довести настройку до конца не удалось.

Шурша мокрой палой листвой, к овину торопливо приблизились тяжелые шаги. Дверь скрипнула, и в круг света от тусклого фонаря шагнул Всеволод Евграфович.

От прежней барской спеси и вальяжности не осталось и следа. Шлафрок был наспех застегнут на косые пуговицы, седые бакенбарды всклокочены, на голове был мятый белый колпак с помпончиком, а холеные пальцы, сжимавшие латунную ручку керосиновой лампы, мелко и непрерывно дрожали.

- Егор Сеич... голубчик, брось ты это! - сбивчивый голос помещика сорвался на сиплый, испуганный шепот. Он оглянулся на темный сад, будто боясь слезки из кустов. - К лешему твоего болотного зверя! В лесу пускай хоть все сосны переломает, черт с ними, с мужиками... У меня здесь, в доме, беда страшнее объявилась! Пойдем, Христом богом молю, помоги. Ты же при погонах, ты присягу давал защищать благочиние!

Егор нахмурился, поднимаясь с колен и не выпуская рогатины:

- Что у вас стряслось, Всеволод Евграфович?

- В подвале... Оно там третий день бушует, камни из фундамента выворачивает, за порог выйти не дает! - Головин схватил юнкера за рукав суконной шинели ледяными пальцами. - Пойдем, сам поглядишь. Заплачу! Золотом николаевским осыплю, только изведи заразу!

Они прошли через черный ход барского дома, миновали пустую, пахнущую остывшим жиром кухню и спустились по узкой каменной лестнице в глубокие погреба.

Здесь не пахло сыростью, плесенью или квашеной капустой. Напротив, воздух в подзелье был обжигающе сухим, разреженным, словно на вершине ледника, и насквозь пропитанным густым запахом ладана, жженого мрамора и жесткого предгрозового озона. Массивная дубовая дверь, обитая коваными железными полосами, ходила ходуном. Из-под щелей в пороге сочился ослепительно-белый, режущий глаза солнечный свет.

Головин отшатнулся к стене, сунув Егору в руку тяжелый кованый засов:

- Там он... Изведи его, поруби на куски!

Егор отодвинул засов и распахнул дверь.

Посреди просторного погреба со сводчатыми потолками не было ни упырей, ни болотной слизи. В воздухе, не касаясь вымощенного булыжником пола, висел стусок ослепительного, нестерпимо чистого белого пламени.

Приглядевшись сквозь слепящий свет, Егор различил внутри сияния маленькую, сухопарую фигуру, сотканную из лучей, хрусталя и тончайших золотых нитей. Это был домовый, но не запечный ленивый дедко из крестьянских сказок - перед ним стояла древняя сущность *Высшей Сферы*. Лик духа напоминал чеканную золотую маску византийского святого: безжалостную, лишенную возраста, с горящими сапфировым огнем глазами. От силуэта духа во все стороны расходились вибрирующие протуберанцы.

Сущность повернула голову к вошедшему юнкеру. От ее голоса зазвенели стеклянные бутылки на полках, а в ушах закололо, словно от удара медного колокола:

- *Ты принес железо, смертный? Ты пришел скрепить чужой обман сталью?* - голос был вкрадчивым, спокойным с легким шипением, напоминающем опускающееся каленое железо в воду.

Егор не стал вскидывать рогатину. Он почувствовал, как векторная сеть в его клинке не сопротивляется свету духа, а входит с ним в единый, вибрирующий унисон. Сила твари была той же природы, что и Свет царских мистиков.

- Кто ты? - ровно спросил Егор, сделав шаг вперед. - И за что ты терзаешь этот дом?

- *Я - порядок, который он сам призвал!* - золотая маска домового исказилась праведным, беспощадным гневом. Сияние вокруг него вспыхнуло ярче, озаряя дрожащего в дверях помещика. - *Тридцать лет этот недостойный червь ползал на коленях перед алтарем! Он жаждал золота, тучных нив, дворянского почета и неограниченной власти над холопами! Он призвал закон Высшей Сферы, присягнул Свету и поклялся, что дом его станет оплотом чистоты и благочестия! Он заключил Контракт!*

Дух завис прямо перед побелевшим лицом Головина:

- *Я дал ему всё. Его земля рожала тройной урожай, серебро текло рекой, крестьяне гнули спины безропотно! Но какова была цена?.. Жена его, кроткая Анна, не вынесла сияния чистой правды. Она видела, как он давит людей налогами, прикрываясь божьим именем, сошла с ума от лицемерия и ушла в глухой скит, замаливать его клятвы! А единственный сын...*

Головин судорожно всхлипнул, сползая по косяку на пол и закрывая лицо ладонями.

- Молчи... господа, святые великомученики... замолчи!.. - заскулил старик, крестясь и сжимая от слез налитые глаза.

- *Сын его, Павлушенька, рос под лучами моей праведности!* - с издевкой пародируя манеру Головина гремел дух. - *Он уверовал, что империя - это святой храм, а долг перед государем выше жизни! Когда началась бойня, он первым пошел в гвардию. И где он теперь? В*

бескрайних полях среди тысяч! Разворочен ирапнелью, втоптан в торф! Его кровь погасила мой алтарь, но клятва барина не снята! Он должен расплатиться за тридцать лет сытости и гордыни. Закон требует равновесия!

Светящийся дух обернулся к Егору. Его сапфировые глаза просвечивали парня насквозь:

- Ты носишь мундир его кесаря, кузнец. Твое железо способно пробить мою оболочку и развеять меня в пыль, избавив этого труса от расплаты. Бей, если смеешь нарушить закон справедливости ради спасения гнилого барского покоя!

В погребке повисла тяжелая, гулкая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием электрических искр и прерывистым, жалким хрипом рыдающего старика.

- Егорушка... сынок... - Головин пополз к ногам юнкера, хватаясь за подол его шинели. - Убей его... Он мне мозг выжигает, я спать не могу, мне Павлик в огне мерещится... Убей, ты же служишь Свету! Я тебе всё отдам...

Егор посмотрел на трясущегося помещика, вспоминая слова полковника у берегов Днепра: *«Верхняя сфера выжигает человеческий разум не хуже, чем нижняя пожирает тело... Главное - всегда оставаться человеком, и соблюдать баланс»*.

В этом подвале не было правых. Был слепой, безжалостный закон абсолютного Света, не знающий милосердия, и был жадный, сломленный горем человек, который сам вырыл себе эту могилу и слепой верой отправлял крестьян на убой.

Егор медленно опустил рогатину, повернул ее наконечником в пол и с сухим стуком вогнал ясеновое древко в щель между плитами.

- Не стану я тебя трогать, *сферафим*, - вспомнив прочитанные в поезде зарисовки «Сферического бестиария» негромко, но твердо произнес Егор. - Не мной этот договор писан, не мне его расторгать.

Он с силой вырвал полу шинели из цепких пальцев помещика, перешагнул через него и направился к лестнице, обернувшись в полоборота, Егор с жестким блеском в глазах сказал:

- Вы сами этот Свет в дом пустили, Всеволод Евграфович. Сами с ним и разбирайтесь. А у меня в лесу настоящая работа есть - там люди от голода и болотной твари гибнут, пока вы здесь грехи замаливаете.

Не оборачиваясь на отчаянный крик старика и торжествующий, ослепительный всполох белого огня за спиной, Егор вышел из подвала и захлопнул тяжелую дубовую дверь. Впереди его ждало Чёртово урочище.

Туман в Чёртовом урочище лежал не белой пеленой, а густым, студенистым саваном цвета грязной золы. Воздух здесь был мёртв - ни шороха камыша, ни крика ночной птицы. Под ногами чавкал вязкий торф, сквозь который проступали замшелые гранитные плиты вскрытого скифского кургана.

Егор остановился у подножия раскопанной насыпи. Наконечник рогатины слабо мерцал матовым золотом, отгоняя стелющуюся по земле сырость. Внутренний жар, разогнанный по жилам, держал мышцы в сухом, пружинящем тонусе.

Из черноты провала в кургане донеслось тяжелое, kloкочущее дыхание.

- Пахнешь кузней, человек... - голос накатил со всех сторон разом. Он звучал не из глотки, а рождался в самой толще гнилой земли, словно скреблись друг о друга мокрые могильные камни. - Пахнешь гарью чужой веры и железом мертвого царя.

Из разрытого кургана бесшумно вытекла тень. Морник не был зверем. Двуногий, в полтора человеческих роста исполин казался вырезанным из мореного дуба и окаменевшего ила. Его торс оплетали толстые жгуты древесных корней, сквозь которые сочилась черная сукровица, а морда походила на треснувший череп без ноздрей и ушей - лишь глубокие провалы глазниц, в которых тлела мутная болотная зелень.

- Зачем пришел? - тварь сделала тягучий шаг, когтистые лапы почти не оставляли следов на грязи. - Вы зовете меня скверной, но разве я принес гниль в эти леса? Тысячу лет мы спали под курганами, пока вы, двуногие, не залили землю реками теплой крови. Вы сами напоили меня предсмертным хрипом своих братьев. Я - лишь жатва, которую вы посеяли.

- Ты рвешь тех, кто слабее тебя, - негромко бросил Егор, перехватывая древко. - Детей и скотину. Настоящая сила так себя не ведет.

- Сила? - морник глухо, дребезжаще расхохотался. - Какая святая наивность. Ваш бог на золоченых иконах смотрит, как в окопах заживо гниют мальчишки, и молчит. Ваш государь жрет рябчиков с ананасами, пока бабы крапиву варят. Вся ваша «правда» - это право сильного жрать слабого, только прикрытое ладаном и красивыми, ничего не значащими словами. Я хотя бы честен: когда я голоден - я беру свое.

- Хватит демагогии! - резко оборвал Егор.

Шаг вперед, короткий выпад - рогатина со свистом рассекла воздух, целя прямо в стык корней на груди чудовища.

Морник сбил острие тыльной стороной когтистой лапы. Удар был чудовищной силы, похожий на падение бревна с лесопильного помоста. Наведенный Егором вектор спружинил: металл зазвенел, гася инерцию, но тяжесть удара отбросила юнкера на три сажени назад, сапоги глубоко вспороли торф.

Не давая кузнецу опомниться, тварь метнулась следом. Ее движения ломали человеческую анатомию: низкий, стелющийся прыжок, взмах второй лапы - когти взрезали воздух с оглушающим визгом.

Егор резко ушел вниз, на одно колено, и вскинул древко рогатины горизонтально над собой.

Когти морника с оглушительным скрежетом вспороли закаленную сталь перекладки. По металлу брызнул сноп белых искр. Тяжесть туши вдавила Егора по пояс в трясину. Тварь нависла сверху, обдавая лицо парня зловонием речного ила и сырой могилы.

- Посмотри на себя! - прохрипел морник, сверля его мутными зелеными провалами глаз. - Ты стоишь на коленях в грязи ради тех, кто считает тебя грязью под сапогами. Ты несешь в себе Свет, но кому ты его отдаешь? Барину, что заперся в подвале со своими грехами? Или генералам, которым плевать, скольких из вас закопают в болотах? Брось железо. Дай миру сгнить, он заслужил это.

Егор смотрел прямо в провалы черепа твари. Мышцы рук горели от натуги, но в голове была непривычная, холодная ясность.

- Мир, может, и заслужил, - сквозь стиснутые зубы выдохнул Егор. - А вот мальчишка-пастух в овраге - нет. И баба с плачущим голодным ребенком на крыльце - нет. Я держу это железо не ради барина и не ради царя. Металл держат, чтобы края были ровными, это я тебе как кузнец говорю. Если все бросят топоры и вилы и дадут вам жрать живых - мы станем хуже таких как ты!

Егор перестал бороться с весом твари. Он резко сместил точку опоры влево, выкручивая запястья.

Рогатина соскользнула с когтей, и туша морника по инерции ухнула мимо. В то же мгновение Егор вырвал ногу из тины, крутанулся на пятке и с разворота, вложив всю силу спины, всадил тыльник рогатины под реберный изгиб чудовища. Кованый стальной клинок пробил древесную броню, глубоко войдя в мерзлую плоть.

- А теперь слушай, как звучит настоящий горн кузни! - крикнул Егор.

Он замкнул пальцы на ясеневом древке и пустил по волокнам импульс раскаленного Света - не слепого небесного огня, а плотного, густого жара кузнечного горна.

Внутри морника сухо и надсадно лопнули жилы. Горячая энергия вошла в конфликт с ледяной сыростью твари. По коре побежали ветвистые трещины, из которых с шипением повалил густой белый пар.

Морник пошатнулся, оседая на колени. Зеленый огонь в его глазницах дрожал и таял, сменяясь пеплом.

- Ты куешь цепи... на собственную шею, кузнец... - с трудом ворочая пересыхающим языком, прохрипела тварь. - Ты спасаешь деревню... но огонь, что идет, сильнее сияния твоего горна. Скоро вся эта земля вспыхнет... И в том пожаре не останется правых...

- Когда вспыхнет - тогда будем тушить, - ровно ответил Егор, - а пока...

Он шагнул вперед, перехватил рогатину прямым хватом и коротким, выверенным ударом мастера вогнал широкое граненое перо прямо в основание треснувшего черепа, намертво пригвоздив тварь к гранитной плите кургана.

Морник содрогнулся в последний раз и с тихим шуршанием осыпался грудой сухого прелого мха, торфяной грязи и обломков мертвых корней. На кургане повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием парня и шипением остывающего металла.

Рассвет над Дубровицами вставал мутный, цвета сырого олова.

Когда Егор с заляпанной черным болотным торфом рогатиной на плече вышел к околице, деревню было не узнать. Тишина и давящий страх, царившие здесь вечером, сменились диким, пьяным разгулом.

У амбаров пылали костры из сломанных барских заборов. Воздух пропах паленой щетиной, ядреным мутным первачом и гарью. Бабы в праздничных платках, накинутых поверх засаленных зипунов, с визгом волокли из господской риги пудовые мешки с овсом и пшеницей. Какой-то мужик в расстегнутой жилетке с чужого плеча отчаянно наяривал на гармони «Барыню», а босоногие мальчишки, еще вчера дравшиеся за жмых, с хохотом катали по грязи пустые бочки из-под барского хереса.

У въездных ворот в усадьбу в канаве лежали двое - управляющий и старший приказчик. Их забили кольями и косами еще до первых петухов.

- Эй, коллега! Вернулся! - однорукий кузнец Михей, пьяно размахивая пузатой бутылкой с мутным самогоном, вывалился навстречу Егору. Глаза кузнеца лихорадочно блестели. - Слышал новость? Барин-то наш, Всеволод Евграфыч, на шелковом шнуре от портьеры в спальне качается! Сам удавился, до рассвета не дотянул! Всё, отмучились! Земля наша, хлеб наш! Воля, Егорка!

Егор молча окинул взглядом этот бешеный пир на пепелище. В лицах празднующих не было радости - лишь слепая, злая жажда урвать кусок перед неизбежным концом. Они думали, что сломали ярмо, но не понимали, что лишь отпилили сук, на котором сидели. И самое главное - они сам ничего не сделали, барин сам выбрал свою смерть и судьбу своего поместья.

Не отвечая Михею, Егор зашагал вверх по холму - к распахнутым настежь дверям барского дома.

Внутри царил разгром: сорванные зеркала, втоптаный в грязь битый фамильный фарфор, распоротые перины. Но каменная лестница в подвал была нетронута - мужики суеверно обходили черную пасть погребца стороной.

Егор спустился вниз.

В сводчатом подземелье ничего не изменилось. Белый, обжигающий глаза свет по-прежнему заливал вымощенный булыжником пол. Сферафим - золотая, безжалостная маска Высшей Сферы - висел в воздухе посреди тишины. Его сияние было ровным, гудящим на одной высокой, чистой ноте, словно натянутая медная струна.

- Ты вернулся, кузнец, - голос духа прозвучал без прежнего гнева, с холодной, торжественной ясностью. - *Зверь в кургане мертв. Равновесие плоти восстановлено.*

Егор шагнул ближе, не щурясь от слепящего света.

- Зверь мертв, - глухо сказал Егор. - Но перед тем, как рассыпаться в прах, он говорил со мной. Он знал, что земля зашаталась, и знал, что этот мир сгорит дотла. Откуда болотная падаля, спавшая тысячу лет в могиле, знает будущее, о котором молчат даже генералы в Ставке?

Сферафим в сиянии медленно, почти неуловимо склонил чеканную голову. На его золотом, лишенном возраста лице, проступило подобие бесстрастной, нечеловеческой улыбки.

- *А почему ты решил, что он - падаля, а я - твой избавитель?* - чисто и звонко, как звон хрустального бокала, отозвался дух. - *Вы, слепцы из плоти, делите мир на чистое и нечистое, на небесный свет и кромеиную тьму. Но мы со зверем вышли из одного истока и служим одной жатве.*

Егор замер. В груди похолодело сильнее, чем на мерзлом кургане.

- Вы... были заодно?

- *Мы - два жернова одной мельницы, - сияние вокруг духа запульсировало сложными геометрическими узорами. - Когда дерево сгнивает изнутри, его нельзя спасти молитвой. Червь точит его корни снизу - это работа болотного мора, работа бунта, голода и пролитой на войне крови. А молния бьет в сухую крону сверху - это моя работа. Я выжиг разум барина его же клятвами, доведя до петли. Морник поднял мужиков на бунт через страх. Мы с ним просто закрыли этот дом. Отсекли болезненное прошлое, для здорового будущего.*

Сферафим приблизился к Егору, и от жара его света шинель на юнкере начала электризовано потрескивать.

В подземелье не было тени - ослепительно-белый, стеклянный свет заливал каждый стык между гранитными плитами, но теперь в нем не осталось даже намека на божественную чистоту. Воздух дрожал и гудел на высокой, болезненной ноте, от которой в висках сверлило, а из носа Егора на шинель упала тяжелая капля крови.

Сферафим завис в воздухе. Его чеканная золотая маска теперь скалилась - черты лица заострились, превратившись в хищный, мертвый лик. Глаза-сапфиры полыхали нечеловеческой, глумящейся жестокостью.

- *Думаешь, совершил подвиг? Спас кучку пьяных скотов, что сейчас упиваются брагой и быют барский фарфор?*

Егор упер рогатину в пол, сдерживая дрожь в обожженных руках.

- Зверь в кургане знал то, чего не знают люди, - глухо произнес кузнец, глядя прямо в слепящие провалы глаз духа. - Он ждал жатвы. Откуда у болотной падали память о грядущем?

Золотая маска Сферафима запрокинулась, и подвал наполнился сухим, вибрирующим скрежетом - дух смеялся. Вокруг него с треском закружились дуги электрических разрядов, выжигая на каменных сводах черные паутины копоти. Дух закружился в воздухе, и в его голосе прорезался экстатический, зловещий восторг - восторг палача, опьяненного масштабом надвигающейся бойни:

- *Ты думаешь, эта война - случайность?! Думаешь, сотни тысяч ваших солдат гниют в полях и болотах просто так, по глупости полоумных царей?! Наивный кузнец! Это не война народов - это великий плавильный котел! Есть Тот, кто встал над вечным расколом. Тот, кто первым за тысячи лет взломал замок и подчинил себе ОБЕ Сферы!*

Стены погреба глухо застонали, отвечая на это признание, а булыжники под ногами Егора мелко задрожали.

- *Он держит в правой руке наш небесный огонь, выжигающий души до белизны, а в левой - черную кровь подземного тлена!* - гремел Сферафим, и сияние его на миг исказилось, явив внутри белого пламени пульсирующий, смоляной сгусток тьмы. - *Он соединил звенья великой цепи! Это Он направил багровый яд по Днепру! Это Он вскрывает курганы и толкает вас на убой, чтобы предсмертный вой миллионов людей разорвал саму ткань пространства! Ста-*

рый мир сгниет за считанные месяцы. Падет трон, рухнут алтари, и на этом гигантском кострище Он перекует человечество в послушную, безликую массу!

Дух опустился к самому лицу Егора. Золотые пальцы сущности, потрескивая молниями, замерли в дюйме от глаз кузнеца. Удар был едва слышен, письмена на ясеневом древке засветились ярким светом:

- Ты выковал крепкое копьё, человек... Но против Кого ты его поднимаешь? Против Того, кому служат и бесы преисподней, и ангелы небес? Ты - всего лишь опилка под Его резцом. Беги к своим хозяевам, юнкер. Целуй сапоги своим высокоблагородиям и превосходительствам. Ни твой молот, ни молитвы попов не остановят Того, кто уже занес руку над сердцем этой империи!

Воздух с оглушительным грохотом схлопнулся. Ослепительная вспышка на миг выжгла зрение Егора, а когда перед глазами перестали плясать багровые пятна, в подвале осталась лишь ледяная, мертвая тишина и едкий запах горелого камня.

Егор стоял один в темноте, тяжело опираясь на рогатину.

Снаружи доносились дикие крики мужиков, звон разбитого стекла и пьяный хохот над пепелищем. Но этот шум больше не трогал Егора. Внутри у него все онемело. Враг, на которого наткнулась его сталь, был неизмеримо страшнее помещиков, дезертиров или лесной нечисти. Где-то в темноте столиц или штабов сидел кукловод, подчинивший себе законы самого мироздания, и ради победы над ним одного кузнечного молота будет мало.

Егор выбрался из подвала на сырой, пахнущий гарью воздух.

Пожар в усадьбе угасал, оставляя после себя черные скелеты сараев и липкую копоть на голых ветках лип. Деревня внизу притихла - хмель постепенно выветривался, уступая место тяжелому, похмельному страху перед тем, что они натворили.

Вдруг небо над парком натянулось, как лопнувшая струна. Сквозь низкие свинцовые тучи, рассыпая вокруг себя золотую канитель и запах горячего воска, камнем упал двуглавый орёл.

Фантомный вестник с сухим звоном опустился на выставленное плечо Егора, впился призрачными когтями в сукно шинели и тут же рассыпался снопом искр, оставив на ладони кузнеца огненную пергаментную ленту:

«Юнкеру Кузнецову. Срочно. Бросить всё. Назначение изменено - Петроград, Особый отдел Ставки. Поезд литеры „В“ с узловой станции. К.Л.К.».

До узловой станции Бахмач Егор добрался на попутной почтовой телеге, управляемой подвыпившим кучером.

Вокзал гудел, как разворошенный муравейник: эшелоны с новобранцами, санитарные теплушки, пахнущие йодоформом, крики жандармов, свист паровозных клапанов и клубы жирного черного дыма. Егор втиснулся в жесткий, прокуренный вагон третьего класса, и прижался виском к холодному, засиженному мухами стеклу.

Поезд дернулся, с металлическим лязгом натянул сцепки и тяжело покати́л на север, сквозь бесконечные, вымокшие под дождем осенние поля и серые перелески.

Под мерный, убаюкивающий стук колес Егор смотрел на бегущую за окном землю, перебирая в памяти увиденное за последние дни.

В работе с металлом все просто: есть руда, есть уголь, есть молот, есть болт, есть гайка. Сильно затянешь – треснет, или резьбу сорвет. А если недокрутить – весь узел разболтается, и работать ему недолго. Если ключ сточился – куй новый, старым только грани слижешь. Сейчас в родном отечестве – где недокрутили, где перекрутили, где-то метал пережгли в горне, где-то недогрели. Да и мастера крутят невпопад, и резьба вразнос, и гайки на болт не того размера. В мире людей законы прочности сломались окончательно.

Егор вспомнил сферафима в барском подземелье. Ведь помещик Головин тридцать лет назад искренне просил у неба порядка, достатка и процветания для своей земли. Разве это не благо? Но это чистое, слепящее «добро» Высшей Сферы обернулось чудовищным злом: выжгло рассудок женщине, погнало на убой единственного сына, заставило морить крестьян голодом ради уплаты нечеловеческих обетов и в итоге толкнуло старика в шелковую петлю. Небесный Свет не знал жалости - стремясь к абсолютной чистоте, он выжигал саму жизнь, превращаясь в самое безжалостное из зол.

А крестьяне внизу? Они забили кольями приказчиков и сожгли усадьбу не из природной кровожадности - они защищали своих пухнувших от голода детей, спасали родню, искренне веря, что творят долгожданную правду. Они совершили лютое, кровавое зло ради крохотной крупички добра и выживания. И теперь этот грех повис над ними топором, обрекая на еще более страшную расплату, когда нагрянут казачьи карательные сотни.

Да и сам Кашеинский в Киеве... Полковник учил юнкеров ломать кости, подчинять чужую волю и вскрывать запретные пласты пространства - творить малое зло, чтобы удержать от гибели огромное, трещащее по швам тело империи. Но где та грань, за которой неизбежное зло ради спасения страны превращается в обыкновенное мясницкое ремесло?

Ни болотный морник, рвавший скот от слепого голода, ни сияющий дух в погребке не были виновны в этой бойне. Они были лишь стихиями - как мороз, как огонь, как речной ледоход.

Настоящая скверна рождалась на стыке. Только человек оказался способен вывернуть обе Сферы наизнанку: прикрывать грабеж именем Господним, нести смерть во имя святого долга и оправдывать зверство высокими идеалами. Человек соединил в себе небесную гордыню со слепой жадностью бездны, превратившись в тварь опаснее любого порождения топей.

Поезд ускорял ход, с тяжелым грохотом разрезая стущающиеся сумерки.

Впереди лежал Петроград - туманная имперская столица, где в позолоченных кабинетах министры и генералы продолжали вершить «высокое благо», с каждым днем приближая катастрофу, и где неведомый враг уже натягивал невидимые нити обеих Сфер, готовясь обрушить этот карточный домик в пожар.

Глава 5.

Где встречаются незнакомые культуры.

ст. Казатин, Октябрь 1916.

Осенний дождь над Казатином не падал - он висел в воздухе липкой, студеной водяной пылью, намертво смешанной с жирным каменноугольным чадом, едкой гарью паровозных топок и тяжелым духом сырой шпальной смолы.

Узловая станция Казатин была не просто перевалочным пунктом. В октябре шестнадцатого года это было колоссальное, содрогающееся в железных судорогах сердце всего Юго-Западного фронта. Земля здесь гудела непрерывно: под ногами дрожали чугунные настилы стрелочных переводов, звенели натянутые до предела тросы семафоров, а в мутном свинцовом небе над путями сутками стоял сплошной вой выпускаемого из котлов пара. Станция задыхалась, перемалывая в своей стальной утробе сотни тысяч человеческих жизней и миллионы пудов военного груза.

На главных путях, окутанные белесыми клубами перегретого пара, тяжело отдувались товарные паровозы серии «Щ». Их закопченные исполинские туши, покрытые подтеками мазута и ржавчины, казались доисторическими чудовищами, впряженными в бесконечные эшелоны.

С востока, из глубокого тыла, на фронт непрерывной чередой шли серые дощатые теплушки. В их распахнутых дверях, подставив лица колючей мороси, сидели маршевые роты - безусые крестьянские парни из-под Вятки, Рязани и Тамбова. На них были новенькие, еще не обмятые и не пробитые пулями шинели из грубого казенного сукна и скрипучие кирзовые сапоги. В этих вагонах глухо играла гармонь, кто-то надсадно кашлял, кто-то вполголоса матерился через зубы, а из темноты глухих углов несло кислой овчиной, сухарями и той невыразимой, тоскливой покорностью, и одновременной необъяснимой патриотической радостью, с которой мужики на Руси испокон веков шли на войну.

Навстречу им, с запада, еле тащились санитарные поезда - страшная изнанка победоносного Брусиловского прорыва.

Эти вагоны двигались медленно, словно боясь растревожить бесконечную боль, запертую внутри. Воздух вокруг санитарных тупиков был насквозь пропитан сладковатым смрадом медицинских растворов, гниющего мяса, йодоформа и немых человеческих тел. Прямо на залитых грязью досках перрона, под худыми навесами пакгаузов, штабелями лежали носилки. Сотни раненых: солдаты с наглухо забинтованными, сочащимися сукровицей лицами, контуженные с безумными, застывшими глазами, безногие мальчишки в окровавленном тряпье, сжимающие в зубах деревянные ложки, чтобы не выть от боли. Санитары в заскорузлых фартуках едва успевали выносить из вагонов цинковые ведра с ампутированными конечностями и выплескивать их в ямы за дальними пакгаузами.

Меж путей, оскальзываясь на раскисшем шлаке, сновали жандармы в мокрых шапках с блестящими револьверными шнурами через плечо. Они цепко вглядывались в каждое лицо, выискивая дезертиров и смутьянов, готовые при малейшем подозрении пустить в ход приклады.

А у забора угольного склада жалась толпа беженцев с разоренной Волыни. Бабы в промокших до нитки посконных платках, прижимая к груди худых, молчаливых детей, с сухими, заплаканными глазами вытягивали вперед дрожащие руки. Они протягивали проходящим офицерам и интендантам последние семейные реликвии: серебряные нательные кресты, тусклые венчальные кольца, старинные шитые рушники - умоляя обменять их хотя бы на буханку мерзлого овсяного хлеба или котелок мутной чечевичной похлебки.

Казатин не жил - он горел в медленном, безжалостном огне, и железо здесь значило куда больше, чем человеческая душа.

Огромное кирпичное здание с закопченным сводчатым потолком гудело глухим эхом. В воздухе стояла густая взвесь из машинного масла, керосина и сырости. В смотровых канавах поблескивала черная маслянистая вода, падали тяжелые редкие капли из дырявых паровых труб, а в полутьме возвышались остывающие туши локомотивов, загнанных на текущий ремонт.

Костя сидел на перевернутом масляном баке, чувствуя, как стынют пальцы в карманах мокрой парусиновой куртки. Парень берег в тайне свое черное ремесло: для большевиков он был просто надежным связным с Волыни, присланным по партийной линии для «специального технического поручения».

Рядом, привалившись широкой спиной к клепаному тендеру, сидел Степан.

Старшему машинисту было под пятьдесят: лицо изрезано глубокими морщинами, в которые намертво, словно татуировка, въелась черная угольная пыль. Тяжелые, узловатые кисти рук, покрытые ожогами от топки и шрамами от сорванных ключей, казались выкованными из того же темного чугуна, что и рельсы под ногами. Степан прошел забастовки девятьсот пятого года, отбыл пять лет каторги под Орлом и вернулся на железку с одной-единственной верой - в силу рабочего братства.

Машинист, не спеша достал из кисета полоску серой газетной бумаги, насыпал щепотку ядреного самосада и ловко, одним движением пальцев скрутил сигарку. Чиркнула серная спичка, осветив его тяжелый, угрюмый профиль и седые щетинистые усы.

- Не дергай ногой, Костя, - глухо произнес Степан, выпуская сизую струю едкого дыма в сторону паровозной топки. - На нашем деле суета - первая смерть. Железо суеты не прощает. Оно холод любит и верный расчет.

- Я не суечусь, дядь Степан, - тихо отозвался Константин, глядя на пляшущие тени от коптилки на стене. - Просто... смотрю на перроны эти. Сколько их там лежит? Тысячи? И ведь конца краю нет.

Степан тяжело, со стоном вздохнул, опустив глаза в землю. Огонек сигарки в его руке мелко дрогнул.

- Конца нет, потому что сытым в столицах этот конец не нужен, - голос машиниста стал низким, хриплым от застарелого кашля. - У меня Ванька... сынок старший... под Сморгонью в мае остался. Двадцать лет парню было. Тоже на паровоз со мной просился, помощником хотел стать. А его под ружье - и в окопы. Немцы баллоны с фосгеном открыли на рассвете. По ветру пустили зеленую эту дрянь... А у наших на всю роту - марлевые повязки, смоченные в моче, да и тех на половину не хватило. Захлебнулся мой Ванька собственной пеной, легкие выкашлял в глину.

Степан сжал свободную руку в кулак так, что костяшки побелели и хрустнули:

- И ради чего? Ради того, чтобы фабрикант Рябушинский на военных заказах третий миллион в карман сунул? Чтобы генералы за бездарные карты ордена с бриллиантами получали? Нам интенданты сапоги присылают - подошвы из прессованного картона, через два вершка по грязи разваливаются! Снаряды через один не взрываются, потому что порох наполовину опилками разбодяжен! Они нашу кровь в Петрограде на шампанское меняют, Костя. И пока этот порядок стоит - Ваньки будут в болотах гнить, а бабы по вокзалам на коленях ползать.

Машинист повернулся к парню. В его серых, выцветших глазах горела суровая, выстраданная до костей правда человека, которому не оставили иного выбора.

- Нас называют предателями и бунтовщиками, - продолжал Степан, стряхивая пепел на рельс. - Господа в газетах пишут: мол, в спину воюющей армии бьем. Врут, суки. Мы эту землю любим больше, чем все их великие князья вместе взятые. Потому что эта земля нашими мозо-

лями полита. Мы хотим войну эту проклятую остановить, чтоб мужики домой к плугу вернулись. Чтобы хлеб у спекулянтов отобрать и детям отдать. Чтобы фабрики людям принадлежали, а не заграничным акционерам.

Степан затушил окурок о подошву сапога и сунул его в карман, подбирая с пола тяжелый разводной ключ:

- Из Киева по партийной связи отписали: прибудет человек от надежных товарищей, механик-умелец. Сказали, ты умеешь сделать так, чтобы состав встал намертво без шума и без динамита. Греметь взрывом на всю станцию нельзя - тут батальон жандармерии, перестреляют рабочих на путях в пять минут.

Машинист прищурился, с легким недоверием оглядывая щуплую фигуру Кости: - Молодой ты больно для таких дел. Инструмент-то особый с собой? Кислота какая аль клинья каленные? Впрочем, не мое дело, комитет за тебя поручился. Слушай сюда.

Степан подошел ближе и указал ключом в сторону дальней стрелки:

- На десятом тупике стоит броневая вагон. Сверху брезентом затянут, будто порожняк. Комитетчики с узла донесли: везут тяжелые гаубичные заряды для карательного корпуса генерала Иванова. Того самого, что сейчас по деревням на Волыни крестьянские сходы порет и дезертиров сотнями к стенке ставит. Если эти снаряды дойдут до места - Иванов полгубернии в крови утопит. Надо вывести тележку из строя. Расклинишь буксу, сорвешь тормозную тягу - сделай как знаешь, лишь бы состав застрял на стрелке и не ушел до утра.

Степан тяжело опустил руку на плечо Кости:

- Справишься, парень? Рабочие на тебя надеются.

Константин лишь молча нащупал за пазухой холодное жало стальной чертилки. О том, каким именно «инструментом» он собирается ломать казенное железо, старому машинисту знать пока не следовало.

- Справлюсь, дядь Степан, - спокойно ответил Костя, поднимаясь с бака. - Показывай путь.

Выбравшись из полутьмы депо, Константин растворился в промозглом осеннем морозе.

Пересекать станционные пути приходилось короткими перебежками, от тендера к тендеру, от цистерны к штабелю прелых шпал. Под ногами хлюпала жидкая каменноугольная грязь вперемешку с мелким гравием и мазутной жижей. В воздухе свистели струи сбрасываемого пара, заглушая шорох его шагов, но Костя держал ухо востро. Казатин был наводнен патрулями: каждые пять минут сквозь белесую пелену дождя прорезались тусклые желтые круги керосиновых фонарей «летучая мышь», бряцали ножны палашей и доносилась отрывистая брань унтер-офицеров.

Десятый тупик лежал на самом краю станции, упираясь в глухую кирпичную стену старой водонапорной башни.

Здесь не было фонарных столбов, и рельсы почти скрывались под бурыми зарослями мертвого бурьяна. Одинокий бронированный вагон стоял под прикрытием двух порожних цистерн. Сверху его корпус был укрыт тяжелым просмоленным брезентом, притянутым стальными тросами к раме, - со стороны казалось, будто на запасном пути отстаивается обычный казенный груз негабаритного станционного оборудования.

Костя скользнул под буферную балку соседней цистерны и замер, восстанавливая дыхание.

Что-то в этом вагоне было глубоко неправильным. Обычный военный эшелон пахнет резко и грубо: женой селитрой, оружейным тавотом, сырой соломой и железом. Но от бронированного крытого вагона веяло ледяным металлом, дорогим свечным воском и глухой, давящей на виски тишиной. Воздух вокруг колесных пар казался вязким, будто сгустившимся в холодный студень.

Константин осторожно выбрался из-под цистерны и подобрался к боковой сдвижной двери вагона.

Тяжелая железная створка была заперта на массивный кованый засов, но удерживал ее вовсе не обычный пудовый навесной замок. В проушинах висела странная свинцовая пломба размером с блюдце, перетянутая тонкой витой проволокой из тусклой орудийной бронзы.

Приглядевшись в темноте, Костя похолодел. На мягком свинце не было привычного орла путейского ведомства или штампа Главного артиллерийского управления. По центру красовался тисненый австрийский герб - почти как российский хищный двуглавый орел с мечом и державой, а вот вокруг него, замыкая круг, вились ломаные, чужие знаки.

Это были не буквы и не цифры - угловатые, глубоко вдавленные в металл кельтские руны связывания. Константин мельком читал о них в редком петроградском переводе «Бестиарий Сфер: сущности Телемы, гоэтические духи, их характеры, и некоторые методы управления. Алистер Кроули, 1907 г., Лондон.».

Замок не просто держал дверь - он был намертво привязан к чужому охранному контуру. Любая попытка сорвать его монтировкой или перекусить клещами вызвала бы мгновенный взрыв, который поднял бы на ноги всю станцию.

Внезапно по гравии за цистернами дробно застучали кованые сапоги.

- Эй, на десятом! Кто там шастает? - донесся хриплый окрик из темноты.

Луч жандармского фонаря мазнул по мокрым ребрам брезента, выхватывая из темноты капли стекающей воды. Патруль из трех человек неспешно заворачивал в тупик. Медлить оставалось секунды - если Костю прижмут к броне, бежать будет некуда.

Константин плотно прижался спиной к клепаному борту вагона и выхватил из внутреннего кармана стальную чертилку.

Холодное граненое жало коснулось свинцовой пломбы. Костя прикрыл веки, мгновенно отсекая шум приближающихся шагов, стук капель и собственный пульс. Он нырнул в ту самую темную, вязкую тишину Низшей Сферы, которой учил Архип.

«Свинец - металл тяжелый, податливый, мертвый... Он помнит землю лучше других. Найди усталость в его жилах. Разомкни узлы...»

Константин не стал бороться с чужой магической печатью в лоб. Он нащупал острием чертилки внутреннее напряжение между бронзовой проволокой и свинцовым телом пломбы и пустил по металлу короткую волну распада - неслышную, холодную, как дыхание могилы.

Свинец под острием инструмента мгновенно потерял целостность. Руны на его поверхности полыхнули тусклым серым светом и тут же осыпались в ладонь Кости мелкой, безжизненной графитовой пылью. Бронзовая проволока хрупнула, словно высохший стебель полыни, а тяжелая железная дужка засова тихо, без малейшего скрипа выскользнула из рассыпавшихся проушин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.